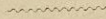


ОЧЕРКЪ I.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

Особенности малороссійскаго племени и его распространеніе.—Характеристика типа.—Мировоззрѣніе и повѣрья малороссозъ.



*Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.
И чистъ, и тихъ, и асепъ сводъ небесъ.
Шуля тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
А къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ снѣжной струей?
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стрелюся,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинъ поетъ славной Гришко!..*

А. Толстой



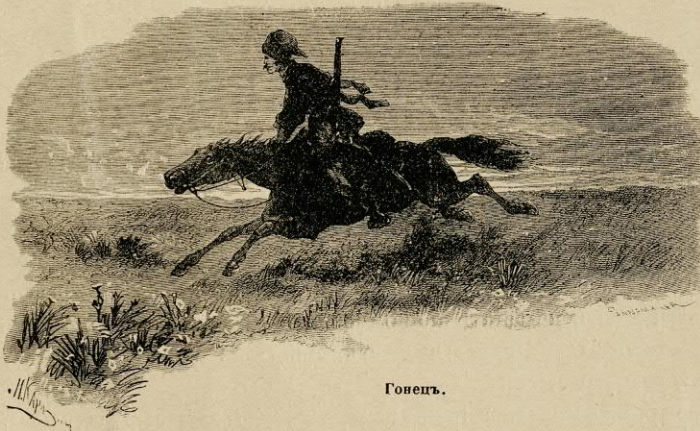
то представляет собою въ настоящее время Малороссія, которой прошлое отразилось на страницахъ исторіи столь яркими и подчасъ глубоко-симпатичными, эпизодически проходящими передъ нами, живыми группами историческихъ сценъ, типичными характерами личностей и такимъ драматизмомъ положеній, что невольно подкупаетъ въ свою пользу историческую память, а настоящее выступаетъ въ видѣ чего-то невыясненнаго, неизученнаго, недостаточно оцѣненнаго? Что такое теперь эта Малороссія? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составитъ предметъ этого очерка.

Говоря вообще, историческое прошлое Малороссіи представляетъ непрерывный рядъ поэтическихъ, исполненныхъ яркой цвѣтности и глубочайшаго драматизма трилогій, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица входятъ на историческіе подмостки и сходятъ съ нихъ окутанныя тою же, подкупающею воображеніе, дымкою легендарности и гримированныя тою же героическою окраскою, какъ и избалованные, можно-сказать, міровою славой и міровою памятью, всѣмъ знакомые со школьной скамьи, всѣми цитируемые, постоянно воспоминаемые историческіе дѣятели классической Греціи и Рима: эти полумифическіе Пріамъ и Гекуба, Гекторъ и



Праздничный день.

скаго мрака своею картинностью историческія имена, начиная съ Вишневецкаго-Байды, «пьюшаго горьлочку» и «висящаго на крюку» въ Стамбуль, съ Сагайдачнаго, промѣнявшаго жену на «тютюнь да трубку», съ Наливайка, Острицы и кончая Богданомъ Хмѣльницкимъ съ его «чайкою-небогою», Дорошенко, что «ведетъ свое войско хорошеенько», семидесятилѣтн имъ старцемъ Мазепою, безумно влюбленнымъ въ свою крестницу, молоденькую и хорошенькую Мотрю Кочубей,—всѣ эти имена, ихъ героическая картинность, исторически неуядаемая цвѣтнотъ потому именно и являются такими неуядаемо-яркими, что къ созданію ихъ историческихъ обликовъ приложено *творчество народнаго духа*, что народная память



Гонецъ.

Андромаха, Патрокль и Ахиллъ, хитрецъ Одиссей и пряха Пенелопа, Менторъ и Телемакъ, Перикль и Аспазія, повѣса Алкивиадъ и даже его безхвостая собака, плѣшивый Сократъ и злая Ксантппа; эти Ромуль и Ремъ съ волчицею-кормилицею, Горации и Куриации, Нума и нимфа Эгерія, Бреннъ и его тяжелый мечъ, Манлій capito-лійскій и даже гуси, простые, лапчатые гуси, и цѣлыя сотни именъ, извѣстныхъ всякому школьнику, не сходятъ до сихъ поръ съ языка всего человѣчества,—какъ, до извѣстной степени, и въ исторіи Малороссіи ярко выступаютъ изъ историче-

ской картины ихъ имена, какъ яркія пятна, къ безцвѣтнымъ страницамъ исторіи сѣрыхъ массъ народныхъ. Именно, большимъ, сравнительно, *участвіемъ народнаго творчества* въ созданіи образовъ историческихъ дѣятелей мы и объясняемъ нестираемость исторической памяти съ безсмертныхъ именъ Греціи и Рима, а въ меньшемъ масштабѣ—и Малороссіи.

Свѣдѣнія о современной Малороссіи являлись въ рус-

скомъ обществѣ какими-то несвязными обрывками, иногда ничего необъяснявшими, какими-то слухами, не всегда основательными, такъ что цѣльнаго представленія о современной Малороссіи, объ ея общественномъ, экономическомъ и культурномъ состояніи, нуждахъ, стремленіяхъ, объ ея, такъ сказать, жизненно-реальномъ и нравственномъ инвентарѣ составить было положительно невозможно, потому что все, интересовавшееся Малороссіею и изучавшее ее, по преимуществу, тяготѣло памятью, зна-

ніями и симпатіями къ грустному и поэтическому прошлому этой страны. Настоящее оставалось въ тѣни, игнорировалось, сиротствовало. Только въ послѣднее время Малороссія — не



Касагъ и дѣвушка.

архивная, не могильная, не сказочная и не пѣсенная, а живая, современная, работающая и дѣйствующая, богатая и убогая—только теперь живая Малороссія стала предметомъ очень усерд-

наго изученія. И надо сказать правду—въ этомъ отношеніи такъ много сдѣлано въ послѣдніе годы, въ самый короткій періодъ времени добыто столько цѣнныхъ матеріаловъ, что, при изученіи ихъ, современный обликъ Малороссіи, обликъ полный, всесторонній, выступаетъ самъ собою, и общественный организмъ страны, съ его физиологическими и патологическими процессами, становится удобовислѣдуемымъ. Труды П. П. Чубинскаго, К. П. Михальчука и др., изданные въ послѣднее время въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ, представляютъ такую массу драгоценныхъ, буквально подавляющихъ своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотою свѣдѣній, что полное усвоеніе ихъ и воспроизведеніе живого современного обли-

ка Малороссіи возможны только при усидчивомъ изученіи этого богатаго наслѣдства, завѣщаннаго наукѣ на вѣчныя времена двумя помянутыми даровитыми труженниками.

Постараемся воспроизвести этотъ обликъ хотя бы въ слабомъ очеркѣ, придать этой массѣ опубликованныхъ о ней свѣдѣній такую компактность, которая дала бы возможность читателю не растеряться въ ней, не разбросать вниманіе и не утомить его на частностяхъ, деталяхъ и неизбѣжныхъ отступленіяхъ, а объять



Сборы на войну.

разомъ наиболѣе существенное, основное и, въ то же время, наиболѣе рельефное.

Подъ именемъ Малороссіи въ настоящее время понимается известная группа южно-русскихъ губерній, хотя, въ сущности, самое понятіе «Малороссія» не вполне уловимо, такъ какъ въ государственномъ смыслѣ оно выражаетъ собою нѣчто неполное, неопредѣленное, а въ смыслѣ этнографическомъ оно осложняется тѣмъ, что малоруссами признаютъ себя и тѣ этнографическія развѣтвленія малорусскаго племени, которыя территоріально почти не связаны съ Малороссіею, какъ напр.,

малоруссы черноморскіе, донскіе и даже—турецкіе (въ Добруджѣ).

Площадь, на которой въ разныя времена осѣло и понынѣ сидитъ населеніе, говорящее малорусскою или южнорусскою рѣчью, приблизительно захватываетъ 13.500 кв. миль. Рѣчь эта звучитъ въ устахъ почти 20.000.000 душъ обоого пола—очень крупная вѣтка славянскаго дерева. Одна малорусская вѣтка осѣняетъ собою въ Россіи—губерніи: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (за исключеніемъ уѣздовъ: Суражскаго, Могилевскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую—до Перекопскаго перешейка; уѣзды—Кобринскій, Брестскій, почти весь Пружанскій, южный уголь Слонимскаго, часть Бѣльскаго и южную полосу Бѣлостокскаго—Гродненской губерніи; Пинскій и часть Мозырскаго—Минской губерніи; Суджанскій, Грайворонской, Бѣл-

городской, Старо-Оскольскій, Путивльскій, большую часть Ново-Оскольскаго и наполовину Рыльскій—Курской губерніи; Бирюченскій, Коротоякскій, Острогожскій, Павловскій, почти весь Валуйскій и треть Богучарскаго—Воронежской губерніи; Хотинскій—Бессарабской области; восточную половину Люблинской губерніи и юговосточную половину Сѣдлецкой, наконецъ, всю землю черноморскихъ казаковъ. Спорадически южнорусское племя разбросано еще въ Россіи по землѣ войска донскаго, преимущественно въ округахъ Міусскомъ и Донецкомъ, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской. Этотъ восточный клинъ, иногда разрываясь, тянется очень далеко до самаго Амура. За предѣлами же Россіи, малоруссы исторически и территоріально закрѣпили за собою, въ *Австро-Венгріи*, въ Галиціи собственно, округи: Чортковскій, Тарнопольскій, Золочевскій, Жолковскій, треть Буковины, Коломыйскій, Станиславскій, Бережанскій, Львовскій, Стрыйскій, Самборскій, Перемышльскій, Саноцкій и юговосточный уголь Сандецкаго; въ *Венгріи* — комитаты: Мармарошскій, Беречскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Зем-



Сцены разставанія.

линскаго, а также часть Шаришскаго. Наконецъ, въ *Турціи*—въ области Добруджѣ, которая теперь занята русскими, въ томъ числѣ и южнорусскими солдатами.

Словесная культура этого 20-милліоннаго племени, отличающагося замѣчательнымъ творчествомъ, далеко еще не исчерпана собирателями этого творчества: Максимовичемъ, кн. Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Меглинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишомъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ, Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, Жеготою, Головацкимъ, Паули, Вацлавомъ Залѣскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Степкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ. Необходимо также упомянуть о почтенныхъ трудахъ Ефименки, Купчанки и Лоначевскаго. Это богатство словесной культуры представляетъ собою, не только въ отношеніи внутренняго содержанія, аналогичные мотивы, сводящіеся къ общимъ идеаламъ и типамъ, но и въ отношеніи матеріала, коимъ они выражаются—сходные элементы въ словахъ, оборотахъ, этимологическихъ формахъ и фонетическихъ особенностяхъ рѣчи, сводящіеся къ общимъ лингвистическимъ законамъ, составляющимъ во всей совокупности принадлежность *одного этого* населенія. Въ южнорусской великой семьѣ наблюдателя поражаетъ также всеобщность болѣе или менѣе однообразнаго міровоззрѣнія, одинаково выразившагося—на обширномъ пространствѣ всей южнорусской территоріи—въ обрядахъ, пѣсняхъ, легендахъ, сказкахъ, пословицахъ и даже думахъ—однихъ и тѣхъ же, какъ на Днѣпрѣ, такъ и въ Карпатахъ, въ Бѣловѣжской пущѣ и гдѣ-нибудь въ южныхъ степяхъ, на берегу моря и за Волгой—о бокъ съ киргизскими и калмыцкими улусами, что положительно подтверждается громадною массою матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ. Характеръ южнорусса обнаруживаетъ также типически-

однообразныя черты, какъ и его міровоззрѣніе, и черты эти поражаютъ наблюдателя и въ Буковинѣ, и въ Добруджѣ, и въ Кіевѣ, и въ какой нибудь степной саратовской Балавдѣ или Мачухѣ. Черты эти «болѣе всего выражаются—говорятъ наблюдатели—во всеобщей склонности южнорусса къ задумчивой созерцательности, къ душевному лиризму», комическую сторону котораго г. Тургеневъ думалъ изобразить тѣмъ, будто бы «схолу» достаточно взять въ руки бандуру да залѣтъ «краю-краю-воропаю», какъ онъ тотчасъ же и заплачетъ, а Гоголь удачно соединилъ малороссійскій юморъ съ драматизмомъ въ своемъ безсмертномъ изреченіи: «сквозь видимый міру смѣхъ зримъ невидимыя слезы».

У г. Чубинскаго мы находимъ весьма обстоятельную этнографическую и антропологическую характеристику малорусскаго типа. Выводы свои онъ дѣлаетъ на основаніи 1.355 отъ-



Возвращеніе съ войны.

токъ, которыя даютъ ему возможность подвести итоги и вывести среднія величины относительно типа малорусса по его «росту», по «цвѣту кожи», по «формѣ головы», по «цвѣту волосъ», по «формѣ бровей и сростанія ихъ», по «внѣшнему виду глазъ», по «цвѣту глазъ», по «величинѣ рта», по «формѣ челюстей», по «формѣ носа», по «ширинѣ носа», по «ширинѣ плечъ», по «высотѣ груди», по «ширинѣ груди», по «длині рукъ», по «длині ногъ», по «характеру», и по «быстротѣ походки». Среднія типичныя величины говорятъ, что между малоруссами преобладаютъ типы, которые могли создаться только подъ жаркимъ солнцемъ юга. Малоруссы въ большинствѣ случаевъ брюнеты. Свѣтловолосыхъ между ними—съ небольшимъ 28%; остальные—черные и темнорусые. Голубые глаза встрѣчаются довольно рѣдко—менѣе 18%; преобладаютъ темносѣрые; каріе и черные глаза—почти у трети населенія. По внѣшнему виду—малоруссы красивы. Лица мужчинъ мужественны, и малоруссы почти всегда кажутся старше своего возраста, если его поставить рядомъ съ сверстникомъ великоруссомъ. Въ понятіе красоты у малорусса входятъ непременно «карія очи» (у красавицъ—«кари оченята») и «черныя брови» (даже «брови на шнурочку»). Тѣлосложеніе малорусса—большею частью умѣренное и даже скорѣе сухощавое, чѣмъ полное. Женщины значительно ниже ростомъ, чѣмъ мужчины, но зато довольно полны. Вообще о малорусскихъ женщинахъ наблюдатель замѣчаетъ, что онѣ—«статны и граціозны», на этотъ счетъ существуютъ даже поэтическія сравненія: «тонка, гнучка та висока, якъ тополя»; по гибкости и живости—она «ясочка» и быстра «якъ рыбка». Зато и «парубокъ»—«якъ орелъ». Вообще украинка не совсѣмъ похожа на свою великорусскую сестру—«лебедушку бѣлую». И нога украинки, не знающая лаптей, такова, что любезный

токъ, которыя даютъ ему возможность подвести итоги и вывести среднія величины относительно типа малорусса по его «росту», по «цвѣту кожи», по «формѣ головы», по «цвѣту волосъ», по «формѣ бровей и сростанія ихъ», по «внѣшнему виду глазъ», по «цвѣту глазъ», по «величинѣ рта», по «формѣ челюстей», по «формѣ носа», по «ширинѣ носа», по «ширинѣ плечъ», по «высотѣ груди», по «ширинѣ груди», по «длині рукъ», по «длині ногъ», по «характеру», и по «быстротѣ походки». Среднія типичныя величины го-

парубокъ, вызывая на ночное свиданіе свою «рыбоньку», успокоиваетъ ее тѣмъ, что если озаябнуть ея босыя «ноженьки», то онъ ихъ спрячетъ въ свою шапку.

Между малоруссами встрѣчаютъ совершенно татарскіе типы, и наоборотъ— между крымскими татарами весьма нерѣдки типичныя малорусскія лица. Есть между малоруссами и типы чистѣйшихъ «восточныхъ людей»—кавказскихъ горцевъ. Это— если можно такъ выразиться— слѣды историческихъ скрещиваній, во времена очень отдаленныя, южнорусскаго народа съ печенѣгами и козарами, съ торками, берендѣями и черными клобуками, съ горскими нагаями и татарами, которые то осаживались на южнорусской землѣ, то забирали въ плѣнъ ея женщинъ, «золотокосыхъ» и «чернобровыхъ», подоляночекъ и иныхъ полонянокъ, которыя рожали татарчатъ и сами бусурманвились.

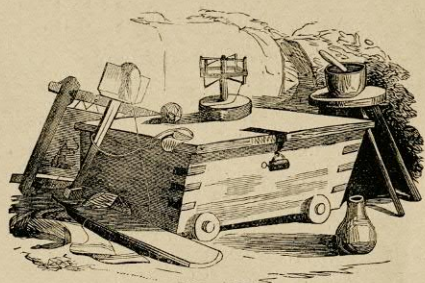
Дальнѣйшія характеристическія особенности малоруса заключаются въ слѣдующемъ.

По отношенію къ уходу за своимъ тѣломъ— онъ неряшливъ. Дегтярная сорочка на «чумаки»— это даже нѣчто въ родѣ почетнаго признака. Малорусъ совершенно не знаетъ бани, которая, по преданію, такъ поразила апостала Андрея. Гдѣ есть рѣка или озеро— тамъ малорусъ купается лѣтомъ, но только когда онъ молодъ; за 30 лѣтъ онъ уже считаетъ себя старикомъ и стыдится купаться, предоставляя эту молодую забаву «парубкамъ» и «дивчатамъ». Женщины моютъ головы по субботамъ, чтобы въ «недѣлю» идти въ церковь; мужчины же не моютъ и по субботамъ, но зато въ церковь непременно надѣваютъ «бѣлу сорочку». Что касается до жилища, то въ этомъ отношеніи малорусъ любитъ чистоту даже изыщество: у него хата выбѣлена, выкрашена цвѣтною глиною, «размалевана» и внутри утыкана цвѣтами и пахучими травами. «Хата»— его слабость, какъ у серба «куча». Хата должна быть «своя», а не чужая. «Дивчина» говоритъ «парубку», который хочетъ на ней жениться:

Зробы хату зъ лободы,
А въ чужую не веди.

Физиономія малоруса серьезна и, повидимому, даже сурова; но подъ этой суровостью кроется мягкое, глубоко-отзывчивое сердце. Выраженіе лица у женщинъ, напротивъ,

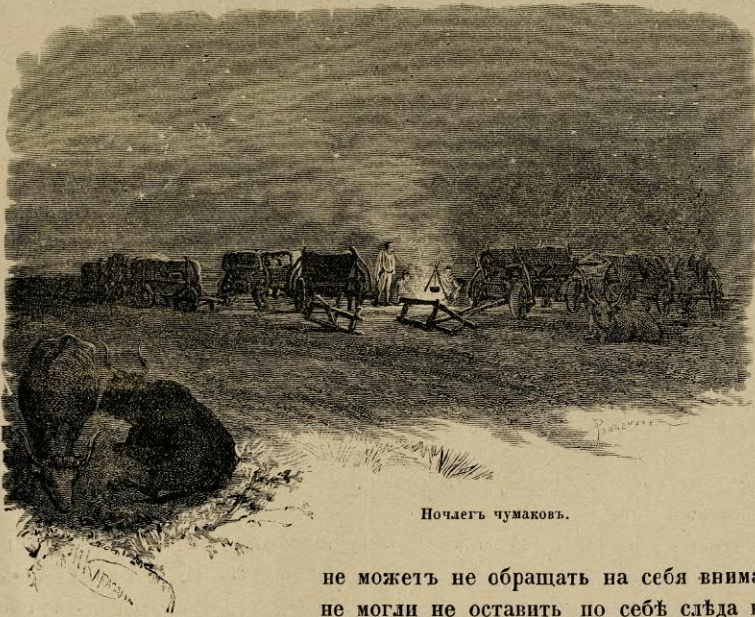
большею частью мягкое, привѣтливое, съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малорусъ говоритъ, обыкновенно, медленно и лаконически.— «Бувъ на ярмарку?»— «Эгè». — «Продавъ воли?»— (Кивокъ рукой). — «А де-жъ гроши?»— «Овва!»— «Пропивъ?»— (Нѣтъ отвѣта). Разговоръ конченъ. Зато женщины очень говорливы и, вообще, говорятъ бойко; между ними «цокотуха» и «сорочка»— не рѣдкость. Мужчина говоритъ медленно, съ сознаниемъ собственного достоинства,



Домашня утварь.



Угощеніе странника.



Ночлеги чумаковъ.

не можетъ не обращать на себя вниманія. Прощедшія страданія не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени».

Малорусъ медлителенъ и солиденъ какъ въ походкѣ, такъ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Оттого онъ и прослылъ «лѣнивымъ». Люди компетентные, въ судѣ надъ малоруссомъ, говорятъ, что, дѣйствительно, нельзя не признать доли справедливости въ приданіи украинцу эпитета «лѣниваго»: онъ довольно апатиченъ и, потому, не предприимчивъ. По сравненію

«роняетъ немного словъ, но съ вѣсомъ». Но если онъ и любитъ иногда фразу, то въ ней звучитъ серьезный юморъ. Острота его мѣтка и часто клеймитъ на всю жизнь. Напротивъ, тонъ женской рѣчи большею частью добродушно-наивный. Шутка женщины не рѣзка, и въ рѣчи ея, какъ и на лицѣ, всегда отыщется отблескъ грусти. «Вообще, — замѣчаетъ наблюдатель, — нѣкоторая меланхоличность малоруссовъ

съ великоруссомъ, — онъ, безспорно, лѣнивъ. Хотя онъ уважаетъ трудъ и презираетъ лѣность, но, тѣмъ не менѣе, любитъ отдыхъ, любитъ полежать при всякомъ удобномъ случаѣ. Для него отдыхъ не только потребность организма, но и большое удовольствіе. Особенно онъ любитъ полежать на зеленой травкѣ, на спинѣ, къ чему такъ располагаетъ прекрасная природа Малороссіи. Но еще пріятнѣе ложится у «садочку», подъ вишнею или подъ грушею, когда спѣлая груша



Въ вишевомъ садочкѣ.

сама поровитъ попасть въ ротъ. Словомъ, находятъ, что малорусъ дѣятеленъ не потому, что у него есть потребность къ дѣятельности, а потому, что это необходимо. Женщины — совсѣмъ другое дѣло: у нихъ такъ много работы и такъ велика привычка къ труду, что онѣ не могли получить наклонности къ лѣни. Качества эти у малоруссовъ — историческое наслѣдство.

Историческое колесо способствовало здѣсь и иному раздѣленію труда, чѣмъ въ Великой Россіи.

Умъ малорусса медленно воспринимаетъ, но зато прочно усваиваетъ воспринятое и развиваетъ его серьезно и даже глубоко. Оттого малорусса считаютъ положительно глубокомысленнымъ. Онъ очень способенъ къ умозрительной дѣятельности, а медлительность помогаетъ ему обстоятельно разобраться съ своимъ мыслительнымъ матеріаломъ. Эта-то склонность къ умерѣнью, питающаяся, притомъ, богатою, поэтической природою, среди которой вырастаетъ малоруссъ, развила въ немъ воображеніе, способность творчества, чѣмъ и объясняется его склонность къ символикѣ, къ образамъ, къ чудесному—и съ этой стороны Гоголь глубоко заглянулъ въ душу украинца, а Шевченко перелилъ эту душу въ чудные звуки, въ чарующіе образы, въ глубоко-поэтическія думы, къ которымъ самъ обращаетъ такую безсмертную жалобу, какъ

Думы мои, думы мои,
Лихо мнѣ съ вами,
На що стали на пирири
Сумними рѣдами?
Чомъ васъ вѣтеръ не развівъ
Въ степу, якъ пылинку?
Чомъ васъ лихо не приспало,
Якъ свою дитину?—и т. д.

Чувствительность малоруссовъ, говоритъ г. Чубинскій, сдѣлалася даже предметомъ насмѣшки. Малоруссовъ, и въ особенности женщинъ, легко довести до слезъ. Горестный рассказъ, грустная пѣсня вызовутъ всегда рядъ глубокихъ вздоховъ и не одну слезу горячаго со-

чувствія къ тому, что страдаетъ, что обижено, что само плачетъ. Эту чувствительность воспитали въ малоруссѣ климатъ и природа, съ помощью историческихъ воздѣйствій, и чувствительность эта отразилась на всѣхъ явленіяхъ жизни, на всѣхъ ея формахъ. «Любощи и коханія» между молодежью, семейная привязанность между супругами, вылившаяся даже въ такую комическую форму, какъ у «Афанасія Ивановича» съ «Пульхерією Ивановною», и наконецъ любовь къ дѣтямъ—все это говоритъ въ пользу малорусской чувствительности, какъ чего-то національно-типическаго. «Пройдите,—замѣчаетъ наблюдатель,—лѣтомъ, въ праздники, по селу, и вы увидите не одного усатаго малорусса, суровое лицо котораго прояснилось: онъ держитъ на рукахъ ребенка и ласкаетъ его. Чувствительность, воспримчивость и воображеніе создали ту богатую поэзію и музыку малоруссовъ, которыя получили громкую извѣстность. Дѣйствительно, малорусская народная пѣсня прекрасна, какъ по содержанію, такъ и по мелодіи, хотя, при ея монотонности, ей недостаетъ той поразительной силы, величавости, разудалости и, подчасъ, стонущей, задушающей тоски, которыя ставятъ великорусскую пѣсню во главѣ, намъ кажется, народной мелодіи всего міра. Какой-то неувимый, если можно такъ выразиться, внутренний аристократизмъ природы и духа малорусса и изящество, такъ сказать, этого духа породили въ украинцѣ и любовь къ красотамъ внѣшней природы. Селенія ихъ покрыты зеленою и садами. Каждому хочется имѣть около своей хатки «вишневыи садочокъ» или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько вишневыхъ деревьевъ, а то и «топѣлю». Ихъ «левады» обсажены вербами: верба—это что-то сросшееся съ жизнью малорусса и его жилья такъ же немислимо безъ вербы, какъ нѣмецъ безъ колбасы. Въ каждомъ огородѣ непременно найдутся цвѣты,



Въ роутѣ.

хоть иногда въ хозяйствѣ не хватаетъ чего-либо самаго насущнаго. Дѣвушки лѣтомъ постоянно украшаютъ головы цвѣтами: «завичаться»—это также дѣлается само собой, какъ само собой въ жаркій день, въ полѣ, является желаніе выпить «водици изъ холодной криници». Въ хатахъ, за образами — всегда цвѣты, хотя-бы даже засохшіе, а за неимѣніемъ ихъ — искусственные, изъ цвѣтной бумаги.

Малоруссъ религіозенъ и набоженъ, съ примѣсю какого-то лиризма. Но замѣчаютъ, что эти же качества, какъ склонность къ умозрѣнію и чувствительность, развили въ малоруссъ: первое—скептицизмъ, постоянную критику, что дѣлаетъ малорусса нерѣшительнымъ, недостаточно энергичнымъ и лишаетъ его производительнаго творчества, доводя его до старчества мысли и фантазіи; второе качество — чувствительность — порождаетъ плаксивость, грустное настроеніе, что приводитъ часто къ рюмкѣ, въ которой стараются утопить горе, иногда, можетъ быть, начесанное, фиктивное, какъ начесывается зудъ на здоровой части тѣла. Въсѣтъ взятыя и развитыя до крайности, эти качества порождаютъ апатію къ явленіямъ



Малороссійскій хуторъ.

жизни, нравственную сонливость, равнодушіе къ общественной дѣятельности, въ чемъ упрекаютъ и образованныхъ малоруссовъ. «У ёго всяке дило въ рукахъ захолоне» — замѣчательная фраза, прямо противоположная великорусской: «у него дѣло горитъ въ рукахъ».

Но малоруссу нельзя отказать въ силѣ воли, которую создали въ немъ глубина чувства, серьезность ума и — въ значительной степени — историческая плетка. Малоруссъ, какъ скептикъ съ старчествомъ мозга и фантазіи, не легко рѣшается на что-либо; но, рѣшившись разъ, онъ также не легко отказывается отъ своего рѣшенія. Тогда онъ весь выражается въ своей пословицѣ: «говори, чорте, зъ попомъ». Отсюда и сложилось мнѣніе о «хохлѣ», какъ объ «упрямомъ», «упартомъ»: «упартый, якъ цапъ», «упрямъ, какъ хохоль». Малоруссъ не легко соглашается съ чужимъ мнѣніемъ, какъ не терпитъ «чужой» хаты и ничего чужого. Онъ упорно держится своего: «лучше свое латане, ніжъ чуже хапане». Это-то «хохлацкое упрямство» и помогло малоруссу въ его прошедшей, исполненной ужасовъ и страданій, жизни отстоять свою вѣру, свою народность, свою рѣчь; а не будь упрямства, онъ такъ же былъ бы поглощенъ сосѣдями, какъ поглощены мордва, черемисы и всякая бѣлоглазая чудь. Но всѣтъ съ тѣмъ замѣчаютъ, что эта склонность въ малоруссъ — крѣпко стоять на своемъ, упорно преслѣ-

довать принятое рѣшеніе—въ общественной жизни часто ведетъ къ разладу, къ ссорамъ, къ отсутствію единства въ дѣйствіяхъ, къ тяжбамъ и сутяжничеству, которое у маллоруса поло-



Сосѣдки.

жительно обострилось и удачно воспроизведено Гоголемъ въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» изъ-за сказаннаго, просто сорвавшася съ языка, «гусака».

Какъ на особенно замѣчательную черту въ характерѣ малорусса указываютъ на то, что онъ высоко цѣнитъ свою личность, идею которой онъ широко развилъ въ своемъ прошломъ и современномъ быту. Эта идея личности создала любовь къ свободѣ, что и выразилось въ казачествѣ, въ этомъ демократическомъ рыцарствѣ, которое тѣмъ и выше было западнаго рыцарства, что опиралось на принципъ общинности. Но общинность эта не шла дальше сферы казачества: внѣ казачества господствовалъ полный сепаратизмъ, который и лишилъ малоруссовъ способности къ ассоціаціи.

Всѣ покою широ прагнуть;
Та не въ одинъ гужъ вси тягнуть:
Той направо, той наливо,
А вси брати—того й диво!

Этотъ недостатокъ «одного гужа», которымъ, кажется, и хотѣлъ быть самъ Иванъ Степановичъ (Мазепа) проходить ослабляющимъ началомъ чрезъ всѣ явленія жизни и въ современной Малороссіи. Дробимость семей и стремленіе каждаго сына тотчасъ послѣ женитьбы отдѣлиться отъ отца, сепарироваться въ «свою» хату; нелюбовь къ экономическимъ и ко всякимъ ассоціаціямъ, словомъ — крайнее развитіе идеи личности перерѣзываетъ у малорусса и безъ



Въ свѣтлый праздникъ.

того слабенькую экономическую жилку, которая могла бы связать его въ общественную группу вмѣстѣ съ другими, втянуть въ дѣйствительную «громаду», существующую только на кончикѣ языка. Ловкій еврей-сосѣдъ видитъ это; видитъ, какъ раздроблены у сосѣда личныя и матеріальныя силы, какъ онъ не развитъ экономически—и доить его вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ онъ доилъ и продолжаетъ доить и стричь поляка. Даже въ хоровомъ пѣніи—и тамъ замѣчаютъ у малоруссовъ стремленіе пѣть изъ «своего» горла, не обращая вниманія на «громадское» хоровое горло: вездѣ личность, а не общество, не хоръ, гдѣ каждый знаетъ свое мѣсто и подчиняется логическимъ требованіямъ этого мѣста. Малоруссы, сколько-бы ихъ ни пѣло, поютъ унисономъ; организованнаго хорового пѣнія, какъ у великоруссовъ, у нихъ нѣтъ, не любятъ даже пѣнія съ



«Крашенки» (пасхальныя яйца).

запѣвомъ. У нихъ и «артель» называется «спилкою» (то-есть гдѣ люди спѣлись); но они понимаютъ одну только артель — мужа и жену: «спилка — чоловікъ та жинка».

Зато идея личности, исторически воспитанная въ малоруссѣ, повела къ тому, что положеніе малорусской женщины лучше, чѣмъ великорусской. Тамъ, напримѣръ, исторія и повседневная практика выковали такіе афоризмы: «била жена мужа да еще и въ судъ повела»; а мужъ на судѣ говорить:

«Прости мене, моя мила,
Що ты мене била!»

При характеристикѣ нравственныхъ качествъ малорусса должно быть отведено должное мѣсто тому исторически сложившемуся понятію объ украинцѣ, какъ о «скрытномъ» и «хитромъ», понятію, которое выросло на той же почвѣ, какъ и понятіе о «холацкомъ упрямствѣ». Понятіе это не совсѣмъ основательно. Склонность малорусса къ умозрѣнію привила къ нему нѣкоторую философскую сосредоточенность; медлительность и спартанская неразговорчивость привели къ заключенію о его скрытности и хитрости. Правда, въ каждомъ малоруссѣ, въ силу законовъ исторической наслѣдственности и въ силу нравственной преемственности, сидитъ частичка души и философа Григорія Сковороды, и философа Кифы Мокіевича, но въ немъ же сидятъ и другія души, которыя всосались его природою также исторически: въ немъ сидятъ частицы душъ Байды, Гонты и Желѣзняка; но въ то же время въ каждомъ сидитъ маленькій Гоголь и маленькій Шевченко. Правда — говоритъ компетентный наблюдатель — историческія обстоятельства, постоянныя гоненія и необходимость держать ухо остро должны были породить



Сеора.

въ малоруссѣ недоверчивость и сдержанность, которыя, будучи привиты исторически, и не отстаютъ отъ природы современнаго малорусса; но ужъ зато хитрости за нимъ наблюдатель положительно не признаетъ. Онъ скорѣе находитъ, что малорусса можно признать чистосердечнымъ. Если онъ съ недоверіемъ относится къ пану, и вообще, какъ говорится, «сдержитъ камень за пазухой», то это бываетъ въ томъ случаѣ, когда онъ предполагаетъ хитрость противъ себя, во взаимныхъ же отношеніяхъ малоруссы простосердечны, искренны и добродушно-наввны.

Чувствительность и даже нѣкоторая плаксивость малорусса ведутъ за собой другія соотвѣтственныя качества въ его характерѣ — именно: лирическую привязанность къ родинѣ, къ мѣсту своего жительства, къ своей хатѣ. Великороссъ, отхожій рабочій, колеситъ тысячи верстъ вдали отъ своей избы, часто не видитъ семьи по годамъ, а иногда находитъ приращеніе своей семьи даже тогда, когда, по всѣмъ его расчетамъ, этого не должно бы быть. А мало-

руссь, оторванный отъ родины, томится по ней, тоскуеть, поетъ плачущія пѣсни. Для него чужая сторона—это не то что великорусская «чужадалыня сторопушка», горемъ горожена, слезами поливана, сторопушка дѣйствительно дальняя; для малорусса—свой уѣздный городъ представляется уже «чужбиною», чуть не «турецкою неволею». Пишущій это помнитъ съ дѣтства, какъ бывало чумаки изъ его родной слободы отправлялись въ городъ за солью и во всей чумацкой обстановкѣ, въ хмурости чумацкихъ лицъ, въ сосредоточенности женскихъ лицъ и во всей атмосферѣ вѣяло сознаниемъ, будто чумаки ѣдутъ въ Крымъ къ татарамъ, въ орду; а возвращаясь изъ города съ солью, они уже изображаютъ изъ себя пилигримовъ, возвра-



За плугомъ.

исключительно земледѣльческія занятія повели къ несложности привычекъ, къ ограниченію потребностей, къ довольству малымъ, что, въ свою очередь, не могло не отразиться на нравственномъ и экономическомъ складѣ жизни. Отсюда вытекаютъ—отсутствіе всякой предприимчивости и рутинна въ хозяйствѣ. Мы даже знали одного хозяина, который, глядя на украинское хозяйство, постоянно напѣвалъ, на мотивъ — «лучина-лучинушка»: «рутина-рутинужка — украинская!...» Малоруссь ведетъ свое хозяйство такъ, какъ велъ его Тарасъ Бульба, съ малыми развѣ новациями. Къ ремесленной же и торговой дѣятельности онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности. Онъ занимается только самыми необходимыми въ крестьянскомъ быту ремеслами, и тутъ приемы его весьма просты и грубы; издѣлія не отличаются качествомъ и вкусомъ. Великоруссь въ этомъ отношеніи далеко опередилъ его и теперь



Наѣздникъ.

буквально кормить его своей ложкой и подковываетъ сибирскимъ гвоздемъ. На хатѣ, на воротахъ, на крыльцѣ — у него нѣтъ этихъ завитушекъ, пѣтушковъ и всякаго вычурнаго орнамента. Хата—бѣлая, чиста—и только. За то ярмо малорусса—это то же, что ятаганъ у черногорца: ярмо свое чумаки го-

щающихся отъ гроба Господня и, вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей, вмѣсто «вѣтки Палестины», утыкивающихъ свои возы пучками бѣлаго ковьля и вѣтками можжевельника.

Изъ этого наблюдатель выводитъ, что отсутствіе знакомства съ другими мѣстностями, сидѣнье на своемъ собственномъ «грунтѣ» и

что особенно положительно можно утверждать о малоруссѣ, такъ это то, что онъ не кулакъ, не барышникъ. Торговая предприимчивость требуетъ бойкости, подвижности, быстрой сметки, умѣнья пользоваться обстоятельствами и — достаточной доли вороватости, цинически-панибратскаго отношенія къ своей совѣсти. Все это — качества, которыхъ ли-

шея малорусъ. Онъ медленъ въ движеніяхъ, какъ римлянинъ въ своей тогѣ; мысль его вращается солидно, не быстро, не юрко, какъ мысль философа; затѣмъ у него много совѣстливости: онъ не можетъ допустить, чтобы объ немъ сказали, будто онъ «псови очи про-



Гаданье съ зеркаломъ.

давъ» — такъ или иначе обманулъ покупателя. Вообще торговля ему не симпатична. Да для него, какъ не любящаго разглагольствованій, она и не по силамъ, не къ рукамъ. Стоитъ по-смотреть малорусса на ярмаркѣ: онъ не заываетъ покупателя, и даже когда его спраши-

вають: «что онъ продаетъ?»—онъ какъ-бы нехотя отвѣчаетъ. Ему чего-то стыдно. Объявивъ цѣну товара, онъ, когда ему даютъ меньше, отвѣчаетъ флегматически: «и то гроши».

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что и это качество малорусса — антипатія къ торгашеству — историческое наслѣдіе, обнаруживающее въ украинцѣ какую-то аристократическую брезгливость. Подъ старинными, кое-гдѣ сохранившимися еще, изображеніями запорожцевъ мы читаемъ характерную подпись церковно-славянскими буквами: «А чого ты на мене дивишся—хиба не угадаешъ, видкиль родомъ и якъ зовуть? Не-чичиркъ (ни капельки) не знаешъ. У мене им'я не одно, а есть ихъ до-ката, якъ улучишъ на якого свата. Якъ хочъ называй, на все позволяю, тилько крамаремъ (купцомъ) не называй — бо за те полаю. Я николи не миряю по аршину, — хиба кому изъ винтивки гостиньця подарю у спину...» и т. д. Эта гордость казацкая доселѣ сидитъ въ малоруссѣ, благо онъ мало знавалъ въ лицо родительницу торгашества — экономическую нужду. Зато малорусская женщина, часто вдовствовавшая при

живомъ мужѣ-казакѣ, хорошо знала эту старушку-нужду, — и она-то научила ее быть торговкой, «перекупкой», «бублейницей», «шинкаркой» и т. д. Малорусская женщина, какъ торговка, бойка, сметлива и предприимчива. Если мужчины выпустили изъ своихъ рукъ всякую торговлю, кромѣ продажи мѣшанами-ремесленниками своихъ издѣлій, то женскій голосъ еще имѣетъ нѣкоторую силу на рынкѣ. У торговцевъ-казакѣвъ черниговской и полтавской губерній въ лавкахъ сидятъ обыкновенно женщины. А когда-то все море «горилки», выпивавшееся южною Русью, переливалось въ глотки всего крещенаго міра ловкими руками



Въ саду.

«шинкарокъ». Эти гетеры кружили головы всему козацству. «Шинкарочка молодѣ» — это историческій типъ, который обезсмертила народная поэзія. Дѣвушку рѣдко принуждаютъ выйти замужъ за «нелюба».

Объ украинскихъ дѣвушкахъ сложилось убѣжденіе, что онѣ, будто-бы, рано теряютъ цѣломудренность. Но это—ошибка. Причиной ложнаго мнѣнія о малорусской дѣвушкѣ является обычай, не существующій у великоруссовъ — это «досвитки» и «вечорницы». Въ осеніе и зимніе вечера, какъ это бываетъ и въ Великой Россіи, дѣвушки собираются у какой-либо вдовы или солдатки. Тамъ онѣ прядутъ и поютъ пѣсни. Къ нимъ являются парубки — и начинается веселье, шутки, остроты, любовныя ласки. «Вечорницы» — это народные клубы, народный театр, народный балъ. Изба солдатки замѣняетъ залъ благороднаго собранія, художественный клубъ и оперу съ Патти и Нильсонъ. вмѣсто объятій, которыя «благородная» дѣвушка допускаетъ въ мазуркѣ съ любимымъ кавалеромъ, вмѣсто этихъ замаскированныхъ

объятіи не благородная дѣвушка на вечерницахъ открыто обнимаетъ, ласкаетъ и цѣлуетъ любимого мужчину. Мало того, по окончаніи вечера, дѣвушки ложатся спать вмѣстѣ съ своими



Досанки или вечерница.

возлюбленными — и, при всемъ томъ, любовь нѣзъ остается платоническою, хотя и бываютъ исключенія, какъ бываютъ они вездѣ и во всемъ. Вотъ этотъ-то обычай совмѣстнаго сна

Ж. Р. Т. V, ч. I. Малороссія.

молодыхъ людей съ дѣвушками до брака и называютъ безнравственнымъ. Но чѣмъ же нравственнѣе обычай цивилизованныхъ дѣвушекъ танцовать на балу *непримѣнно* съ обнаженными плечами, руками и грудью или гдѣ-нибудь на морскихъ купаньяхъ купаться совмѣстно съ мужчинами подъ покровомъ клочка кисеи и прозрачной морской воды? И то и другое—воплѣ нравственно, хотя иногда и не цѣломудренно. Какъ на главныя причины антицѣломудреннаго поведенія малорусской дѣвушки указываютъ на солдатскіе постои и на заводскія работы.



У прялки.

Малорусская дѣвушка, по выходѣ замужъ, становится полноправной хозяйкой. Еще до замужества она самоувѣренно говоритъ, что будетъ властвовать надъ мужемъ, а провинится мужъ — такъ и за чубъ драть. Оттого на женской половинѣ Малороссіи и сложилась поговорка о мужѣ: «неси, Боже, патлатого, щобъ було за-вищо скубти». И хоть мужчины также выдумали поговорку о своемъ превосходствѣ: «соломъяный парубокъ визме золоту дивку», однако, все-таки, соломенные мужья такъ и остаются при своихъ соломенныхъ роляхъ. Но главенство въ семьѣ не особенно улаживаетъ жизнь женщины: шапка мономаха всегда тяжела, въ какомъ бы видѣ она ни была. Тяжесть этой шапки всецѣло испытываетъ на себѣ малорусская женщина. На ней больше, чѣмъ на великорусской женщинѣ, лежатъ всѣ хлопоты по домашнему хозяйству.

Она должна встать чуть-свѣтъ, испогнить избу и сварить завтракъ для мужа, который въ это время можетъ еще валяться на печи, чѣмъ онъ, въ силу историческаго навыка, и пользуется весьма охотно. Пока топится печь, жена должна успѣть покормить



У колодца.

корову и подоить ее, накормить мужа, заткнуть рты старшимъ дѣтямъ кусками хлѣба, перемыть дѣтей и посуду, наносить воды, нарубить и наносить дровъ, потому что мужъ за это дѣло не возьмется — это «жиноче дило», а его — «чоловиче дило» — благороднѣе: онъ ѣдетъ въ поле, на мельницу и т. д. А тутъ женѣ опять работа: готовить обѣдъ — «поратись». «Отпоралась» баба — тутъ опять дѣло: зашить, заштопать; тамъ подмазать, тамъ побѣлнить въ избѣ и снаружи — нельзя, чистота требуется. А возня съ дѣтьми: того корми грудью и качай въ колыбели, того уйми, потому что оно оретъ, ушиблось, или просто блажить, ѣсть просить, бѣгать, ползать захотѣло. Вотъ и разрывайся на десять частей. А бѣдная женщина — одна; вслѣдствіе дробимости семействъ, она живетъ отдѣльнымъ домомъ, въ «своей» хатѣ, и въ этой хатѣ нѣтъ благодѣтель-

ницы бабушки для дѣтей, за то нѣтъ и грозной, ворчливой свекрови, какъ у великорусской бабы. Вечеромъ — снова разрывайся: корова, коза, овцы, дѣти, печь; а тамъ за дверьми оретъ голодная свинья, куры собрались спать — и ихъ надо устроить, чтобы сова ночью не передушила. А тамъ приспичило родить... Да это просто адъ. Оттого такъ и дорога женщинѣ ея дѣвическая свобода, оттого и ловить она жадно «часы любви», чтобъ было чѣмъ помянуть молодость.

Положительно утверждаютъ, что малорусская женщина работаетъ вдвое больше мужчины. Зато она и стоитъ выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, при общей паникѣ, являлась не разъ активнымъ и спасительнымъ агентомъ общества. На волостной судъ и даже на мировой перѣдко женщина являлась съ мужемъ, чтобъ защищать его или просить за него. Не даромъ «kozyрь-дивка» пользуется въ Малороссіи популярностью.

Говоря объ экономической неразвитости малорусса, приводятъ иногда очень вѣскія свидѣтельства въ пользу этого мнѣнія; но, по нашему мнѣнію, неразвитость эта есть—допускаемъ такое выраженіе—не что иное, какъ историческій загаръ, который скоро можетъ и сойти съ экономической физиономіи малорусса. Мужъ и жена везутъ на ярмарку продукты не очень цѣнные, часто очень скудные, и тратятъ на это цѣлый день съ парю воловъ или съ лошадыю, чего великоруссъ не сдѣлаетъ (или сдѣлаетъ, да не такъ). Но тутъ-то и проявляется историческій загаръ: исторія воспитала въ малоруссѣ до нѣкоторой степени эстетическое чувство; его манитъ эстетическая сторона поѣздки въ городъ или мѣстечко; въ городъ его влечетъ и политическая любознательность—узнать, что «люди говорятъ», тамъ можно услышать и «лирника», который споетъ про старину, про «турецкую неволю», про казаковъ. А торговля—это дѣло второстепенное. Малоруссъ очень любознателенъ; любопытство развито въ немъ сильно; не даромъ говорятъ, что «хохолъ» въ Москвѣ всегда «галокъ считаетъ»: дѣйствительно, пораженный видомъ Москвы, онъ ѣдетъ по ней съ разинутымъ ртомъ, и потому попадаетъ иногда въ то комическое и даже трагическое положеніе, о которомъ рассказываютъ: проѣзжая Спасскими воротами и заглазѣвшись по сторонамъ, чумаки не сняли шапокъ при въѣздѣ въ ворота, и когда часовой сбилъ шапку съ одного чумака, тотъ съ испугу закричалъ: «заворачивай, братцы, заворачивай! мы, кажись, въ церковь заѣхали».

Полагаемъ, что для общей характеристики малорусса сказаннаго вполне достаточно. Чтобы не утомить вниманія читателя, мы и не пойдемъ дальше въ этомъ направленіи, а приведемъ только заключительныя слова г. Чубинскаго, которыми онъ, такъ сказать, подчеркиваетъ физиономію малорусса: малоруссъ мало способенъ къ инициативѣ. У него нѣтъ предприимчивости, нѣтъ возбужденной энергіи, поэтому—отсутствіе практическаго творчества. Онъ стоитъ весьма низко въ дѣлѣ экономическаго развитія и зависимъ отъ другихъ. Въ области-же интеллектуальной, въ сферѣ умственной и эстетической дѣятельности онъ стоитъ высоко. Великоруссъ выше малорусса въ практическомъ творествѣ. Въ силу этого у великоруссовъ сильно развито начало общности, артельности; у малоруссовъ—начало индивидуальности. Поэтому-то эти двѣ русскія народности взаимно восполняютъ другъ друга. Связь между ними не формальная, а матеріальная; это—также крѣпкая связь, какою связываются противоположныя полюсы магнита. Нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ нежелательно видѣть различія культурныхъ типовъ—малорусскаго и великорусскаго; они враждебно относятся ко всякому указанію этого различія, полагая, что



Бюстъ Н. В. Гоголя.

различіе вредить единству. Но это ошибочно. У обѣихъ этихъ русскихъ народностей все-таки больше общности, чѣмъ различія. Онѣ обѣ русскія, обѣ православныя; у нихъ обѣихъ общіе враги; обѣ онѣ боролись за то величіе, какого достигла Россія; обѣ работали надъ русской наукой и литературой. Различія же ихъ, вышеуказанныя, не только не вредны, но положительно полезны. Они укрѣпляютъ связь; они дѣлаютъ малорусса и великорусса необходимыми другъ для друга. Изгладить эти различія, порожденныя условіями природы и всей прошлой исторіи, невозможно и неужно. Малоруссъ былъ русскимъ и будетъ имъ. Если онъ такъ себя не называетъ тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ великоруссомъ, то тамъ, гдѣ онъ встрѣтится съ полякомъ, молдаваномъ и венгромъ, твердо знаетъ, что онъ—русинъ».

Въ заключеніе общей характеристики малорусса, добавимъ, что природа и исторія выточили изъ него три этнографическихъ типа: «украинскій, польшскій» и «подольско-галицкій». Украинецъ—высокаго роста, подолянинъ—средняго, польшукъ—ниже всѣхъ. Первый—брюнетъ; послѣдній—больше блондинъ. У польшука—курная изба; у двухъ другихъ—бѣлыя. Украинецъ

и подолянинъ пашутъ плугомъ; польшукъ—сохой. У украинца волъ въ хозяйствѣ; у польшука—лошадь.

Украинецъ ходитъ въ коричневой «свитѣ» (кафтанъ, чапанъ); подолянинъ—въ сѣрой; польшукъ—въ бѣлой. У украинца—рубаша вышита, а свита безъ вышивокъ; у подолянина—наоборотъ; польшукъ—совсѣмъ безъ вышивокъ. Польшукъ ходитъ въ лаптяхъ. Чѣмъ западнѣе малоруссъ—тѣмъ онъ неразвитѣе, приниженнѣе, суевѣрнѣе; у пана цѣлуется руку, полу. Украинецъ—выше всего это-



Ярмарка.

го, его поэзія, юморъ блещутъ умомъ, остротой. Украинецъ—это аэинянинъ южнорусской земли, и умъ его—глубже, рѣчь его—не безъ аттической соли. И не удивительно: украинецъ—это главный кочегаръ, который заправлялъ всѣмъ процессомъ историческаго горѣнья южнорусской земли, усиливалъ огонь и уменьшалъ его, пока не перегорѣли всѣ горючіе матеріалы двадцатимилліоннаго племени, и историческая печь погасла.

Часто слышатся сѣтованія, что Европа мало знаетъ Россію. Сѣтованія эти совершенно справедливы. Но можемъ ли даже мы, русскіе, хотя съ нѣкоторою долею увѣренности сказать, что сами знаемъ эту доселѣ невѣдомую страну, въ которой живемъ вотъ уже вторую тысячу лѣтъ? Въ виду лежащей передъ нами груды книгъ съ изумительно массою новыхъ свѣдѣній, недавно собранныхъ Чубинскимъ, относительно одной только части южной половины Россіи, свѣдѣній, которыя, не задавшись упрямымъ желаніемъ изучить ихъ, положительно никто изъ образованныхъ читателей прочесть и усвоить не въ состояніи, и въ виду того, что текущая печать до сихъ поръ не успѣла даже познакомить общество съ содержаніемъ этой печатной, полной капитальнѣйшихъ данныхъ о русскомъ народѣ, груды, занимающей 3637 печатныхъ страницъ убористаго набора,—въ виду всего этого, на поставленный выше вопросъ мы отвѣтимъ отрицательно.

Мы далеки отъ увѣренности, что въ состояніи будемъ, въ настоящемъ очеркѣ, дать хотя

слабую картину того, что задумано нами и для изображенія чего мы, что-называется, можем пригоршнями брать факты, цифры, характеристики, не нуждаясь ни въ краскахъ, ни въ тѣняхъ, ни въ освѣщеніи ихъ, потому что всего этого слишкомъ много у насъ подъ руками; но, можетъ быть, потому-то и трудна наша задача, что она слишкомъ широка, и надо много умѣнья, чтобъ разобраться въ этихъ горахъ фактовъ и подробностей. Однако лучше дать хоть что-нибудь цѣльное, сложить хотя модель зданія, которое должна же когда-нибудь возвести русская печать на этихъ массахъ фактовъ и показать—что такое Малороссія теперь и что выражаетъ она собою въ коллективной жизни русскаго народа.

Намъ придется имѣть дѣло не съ одними малоруссами, но и съ поляками, и съ евреями, которыхъ историческая нитка перелугала до неразрывности съ малоруссами и треніемъ своимъ даетъ чувствовать, что она законно вѣблась въ тѣло трехъ чрезполосно-живущихъ и дышащихъ народностей. Но, конечно, мы начнемъ прежде съ хозяина—съ малорусса. Прежде, чѣмъ мы покажемъ его хату, дворъ, хозяйство и образъ жизни, прежде, чѣмъ заглянемъ въ его абмары, въ поле, въ карманъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ его инвентарю, заработку, бюджету и экономическому status quo,—мы не ограничимся обрисовкой его этнографическаго типа, а познакоимся съ типомъ и образомъ его человѣчности.

Малоруссъ—это такой-же младенецъ-народъ, какъ и великоруссъ, но только еще съ болѣе дѣтскимъ отношеніемъ къ жизни и ея явленіямъ. Малоруссъ—болѣе дитя природы, чѣмъ великоруссъ. Посмотримъ на него съ этой стороны.

Весь образованный міръ воспитался на народной еогоніи Греціи и Рима. Народное міровозрѣніе русскаго человѣка русскому читателю менѣе извѣстно, чѣмъ классическое. Намъ могутъ сказать, что едва-ли образованный человѣкъ потеряетъ что-либо, если не будетъ знакомъ не только съ русскими народными бреднями, на которыя такіе мастера всѣ дикари, но и съ бреднями классическими. Но это несправедливо. На народныхъ обычаяхъ Спенсеръ строитъ свою гениальную теорію «обрядоваго правительства». Все нынѣ видимое нами, чѣмъ гордится и отъ чего краснѣетъ или долженъ краснѣть XIX вѣкъ,—все это такъ или иначе прикрѣплено своей пуповиной къ народу, какъ недоношенный ребенокъ къ матери,—и перерывать эту пуповину нельзя да и не благоразумно. Весь міровой общественный строй, въ которомъ подчасъ задыхается препрославленный XIX вѣкъ, таковъ потому именно, что таковыиъ держитъ его невидимая, неуловимая для невооруженнаго глаза сила народнаго міровозрѣнія, народнаго развитія. Не будемъ же съ забавною гордостью отворачиваться отъ народа и его бредней.

Познакоимся лучше съ наиболѣе характерными сторонами малорусской еогоніи.

Представленіе о *солнцѣ* у малорусса въ высшей степени оригинальное и наивно-поэтическое. Вотъ оно. Жилъ себѣ «чоловикъ и жинка», а у нихъ были сынъ и дочка. Дочка была такая красавица, что красивѣе ея не было на свѣтѣ. Увидѣло ее солнце, да и украдо ночью, чтобъ взять себѣ за жену. Проснулся ея братъ, да какъ увидалъ, что нѣтъ сестры, тотчасъ взялъ котомку и пошелъ туда, гдѣ заходитъ солнце, отнимать у него сестру. Вотъ идетъ себѣ и идетъ. Наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, которыя мы опускаемъ, приходитъ туда, гдѣ садится солнце. Выходитъ къ нему сестра и говоритъ:—«Гдѣ-бы мнѣ тебя спрятать,—потому что какъ придетъ солнце, такъ оно спалитъ тебя»? Да и опустила его въ погребъ. Только-что вошла она въ хату, какъ приходитъ солнце, скинуло свои «ризы», повѣсило ихъ на погребницѣ и входитъ въ хату, а сестра и спрашиваетъ: «Гдѣ ты дѣлъ ризы?»—«Повѣсила на погребницѣ», говоритъ солнце.—«Тамъ въ погребѣ мой братъ—онъ навѣрное сжарился». Побѣжала туда, смотреть... анъ братъ чуть-чуть ужъ дышетъ. Облила она его водой—онъ ожилъ и пошелъ



На ярмаркѣ.

съ сестрою въ хату къ солнцу. Смотритъ—за столомъ сидитъ солнце, а на печи сидитъ солнцева мать, «така губата» (губастая)... Онъ тотчасъ поздоровался съ солнцемъ, пообѣдалъ или поужиналъ, а солнце и говоритъ: «Пора ужъ мнѣ всходить, да только я усталъ—не пойдешь ли ты за меня?» Надѣлъ братъ солнцевы ризы да и полѣзъ по лѣстницѣ на небо—да взялъ и поломалъ самую лѣстницу. Идетъ-идетъ онъ по небу, какъ вдругъ приходитъ на то мѣсто, гдѣ солнце завтракаетъ. Онъ сѣлъ, наѣлся, напился, да потомъ и побилъ всѣ миски и склянки, и пошелъ дальше. Идетъ и идетъ,—и вдругъ встрѣчаетъ «вѣтра»—какъ ухватить его за чубъ, да кругомъ себя, да какъ началъ бить «вѣтра», да все приговариваетъ: «вотъ тебѣ мука, вотъ тебѣ мука!» (Это онъ за то его билъ, что «вѣтеръ» сдулъ у брата всю муку, которую онъ несъ въ мискѣ, отыскивая сестру). А «вѣтеръ» кричитъ да дуетъ, да надулъ такую тучу, что страхъ! Поднялась буря и начала вертѣть. Онъ испугался и отпустилъ «вѣтра».



Сходка старшинъ передъ корчмою.

Буря утихла, и онъ пошелъ себѣ дальше. Идетъ и идетъ, какъ вдругъ встрѣчаетъ «мороза», да какъ ухватить его за чубъ, да какъ почалъ бить—«морозъ» просился, просился—на силу какъ-то вырвался и убѣжалъ. Онъ вылаялъ его и пошелъ дальше (Это онъ потому билъ «мороза», что тотъ отморозилъ ему палець, когда онъ отыскивалъ сестру). Приходитъ на закатъ солнца, а тамъ лѣстница, по которой солнце сходитъ на землю. Онъ слѣзъ да и ту лѣстницу поломалъ. Тогда приходитъ къ солнцевой хатѣ, снимаетъ ризы и спрашиваетъ сестру: «Гдѣ солнце?»—«Спитъ».—«Ну, такъ убѣжимъ». Солнце какъ проснулось да увидѣло, что ихъ нѣтъ, разсердилось, да разомъ на небо, чтобъ былъ день. Прибѣгаетъ къ лѣстницѣ—антъ поломана. Оно какъ начало ее ладить, такъ ужъ и обѣдать пора, а солнце все не всходитъ; люди такъ удивляются. Вотъ оно кое-какъ наладило лѣстницу да вылѣзло на небо, смотритъ—ничего ѣсть: все поразлито да побито. Оно пошло дальше. Приходитъ на полдень—и тамъ тоже. Оно пошло дальше—встрѣчаетъ «вѣтра»: «Кто это надѣлалъ?»—«Это тотъ, что шелъ

на вашемъ мѣстѣ да и меня билъ и «мороза» побилъ. Солнце такъ ругаетъ его, такъ ругаетъ, а какъ пришло на закатъ—и нельзя слѣзть. Оно какъ начало кричать, а мать услышала—наладила кое-какъ лѣстницу, вотъ солнце и слѣзло.—«Ну, хитеръ чортовъ сынъ, говоритъ, надѣлалъ мнѣ—теперь не буду показываться людямъ цѣлую недѣлю.—Полѣзло на небо, да попросило вѣтра, а тотъ какъ нагналъ тучу, какъ началъ лупить дождь, а морозъ какъ прибавилъ—стало холодно, такъ что померзли ягнята. Да ужъ какая-то вѣдьма сдѣлала, чтобъ пересталъ дождь, потому что ея ягнята померзли.

По другому представленію солнце является въ видѣ огромнаго шара, который «выкачиваютъ» изъ моря на небо тысячи чертей. При этомъ солнце своимъ жаромъ совершенно обжигаетъ ихъ, и бѣдные черти бросаются потомъ въ воду чуть-живы, и, махая руками, пропадаютъ. Изъ тѣхъ тысячъ капель, которыя отряхаютъ съ себя черти, опять рождаются тысячи чертей, которые въ свою очередь поднимаютъ солнце, опять обжигаются, купаются, пропадаютъ, рождаются и т. д. Поэтому неблагоразумно поступаютъ тѣ люди, которые умываясь встряхиваютъ руками, ибо сколько упадетъ капель, столько родится чертей.—А вотъ и свидѣтельство очевидца. Въ одномъ селѣ стоялъ домъ, въ которомъ никто не могъ жить оттого, что тамъ былъ чортъ. Въ томъ же самомъ селѣ жилъ бѣдный человѣкъ, такой бѣдный, что не имѣлъ и пристанища. Домъ тотъ принадлежалъ пану, и человѣкъ пошелъ къ пану, чтобъ позволилъ жить въ той хатѣ. Пану было все-равно, и онъ позволилъ. Бѣдный человѣкъ съ радостью пошелъ въ тотъ домъ и сказалъ: «День добрый, пане господару!»—«Здравствуй», сказалъ чортъ, выйдя изъ угла.—«Примите меня въ пастояльцы». — «А что-жъ, можно, тебѣ хорошо будетъ жить». И правда—прожилъ онъ въ той хатѣ не мало времени и жилось ему недурно. Не разъ показывалъ ему чортъ свое добро — деньги, на которыхъ онъ сидѣлъ. Одинъ разъ какъ-то чортъ и говоритъ: «Пришла моя очередь идти выкачивать солнце, такъ я не знаю, вернусь-ли назадъ, потому насъ тамъ солнце палить,—такъ если меня не будетъ, то я пришло товарища дать тебѣ знать, что меня ужъ нѣтъ». И пошелъ. Прошло не мало времени, а чорта нѣтъ. Вотъ тутъ приходитъ подъ окно другой и говоритъ: «День добрый!»—«Дай богъ здоровья, пане»,—говоритъ хозяинъ.—Тогда на это чортъ: «Когда онъ былъ твой панъ, такъ будь же здоровъ, а то ужъ все твое, что осталось въ твоей хатѣ, потому что твоего пана солнце спалило».

Фазы луны объясняются очень просто и наглядно. У мѣсяца есть «заслонка», которая находится въ вѣдѣніи св. Юрія. Этотъ «Юрко» постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ заслонку, отчего и происходятъ перемѣны на мѣсяцѣ.—Видимыя на лунѣ пятна, какъ извѣстно—Каннъ и Авель, которыхъ Богъ «намалевалъ» на мѣсяцѣ, чтобъ люди видѣли, какъ «братъ брата на вилахъ держитъ».

Зима и лѣто постоянно спорятъ между собою. Они сходятся обыкновенно около зачатія Анны. Зима одѣта хорошо—«въ семи тулупахъ», а лѣто—«въ одной рубашкѣ». Вотъ и начинаютъ спорить. Лѣто говоритъ: «я лучше тебя, потому что отъ меня все для жизни человѣка—хлѣбъ, овощи; у меня всѣ люди вольвы, веселы, я все кормлю, а ты только сгоняешь людей въ кучу какъ свиней, и они тѣснятся, чтобъ только согрѣться». А зима говоритъ: «Если-бъ не я, то ты бы опаршивѣло». И такъ спорятъ до срѣтенья и потомъ опять расходятся.—Въ другомъ представленіи лѣто олицетворяется молодою, богатою и щедрою дѣвушкою, а зима—скупою, бѣдною старухою съ огромными зубами и костлявыми пальцами. Дѣвушка-лѣто спрашиваетъ старуху-зиму: «Зачѣмъ ты уходишь отсюда, и что ты добраго сдѣлала?»— Нечего



Стъ ярмарки

мнѣ ужъ быть тутъ (отвѣчаетъ зима): все что было—я съѣла, опорожнила всѣ амбары, клуны и склады, и теперь не скоро опять все это пополнится». А дѣвушка лѣто и говоритъ: «жалъ мнѣ бѣдныхъ людей—пойду къ нимъ, дамъ имъ всего».

Громъ и молнія—это Богъ стрѣляетъ въ чорта. А иногда—это Илья, Юрко и Михайлъ горами ворочають.

Такое явленіе, какъ *градъ*, считается наказаніемъ божіимъ. Градомъ завѣдуетъ какой-то «донской казакъ.» Онъ его «рубить» изъ небеснаго льда, и если полѣнится мелко изрубить, то выходитъ градъ крупный, а когда казакъ не лѣнится—то градъ мелкій. Одинъ человѣкъ самъ видѣлъ этого казака. Шелъ этотъ человѣкъ куда-то далеко, и захватила его ночь въ селѣ Баричинцахъ, около мѣстечка Деражна, Летичевского уѣзда. Человѣкъ, видя, что застигнутъ ночью, просится ночевать къ одному хозяину. Тотъ пускаетъ его, и прохожій ложится на завалинкѣ подъ окномъ хаты. Вдругъ, около 10-ти или 11-ти часовъ, слышитъ, пріѣзжаетъ кто-то, какъ будто бы донской казакъ, на доброй бѣлой лошади, верхомъ. Хозяинъ, услышавъ гостя, выскакиваетъ на дворъ.—«Пускай!» говоритъ пріѣзжій.—«Не пушу—отвѣчаетъ—хозяинъ — руби мельче.» Казакъ уѣхалъ, а черезъ два часа опять пріѣхалъ и говоритъ: «Пускай, а то лопну.» Хозяинъ опять велитъ рубить помельче. Казакъ опять уѣхалъ, и опять черезъ часъ пріѣхалъ — требуетъ, чтобъ выпустилъ. Хозяинъ согласился, но только съ условіемъ, чтобъ хлѣбъ на поляхъ у поповъ не былъ побитъ. Прохожій не вытерпѣлъ и упросилъ не трогать и его хлѣбъ. И вотъ передъ свѣтомъ выпалъ сильнѣйшій градъ; весь



Полдень въ степи.

хлѣбъ на поляхъ побилъ; осталось цѣлымъ только поле прохожаго да нетронуты были поповскіе хлѣба. Сосѣди его, видя, что его поле градъ не тронулъ, начали думать, что онъ колдунъ, и упрятали его въ острогъ. Тамъ онъ и умеръ.

«Морозъ - красный носъ» играетъ немаловажную роль въ Малороссіи, хотя тамъ часто осиливають его противники—вѣтеръ, солнце и св. Онуфрій. Последній даже на свои именины, поссорившись съ морозомъ, разрубилъ ему топоромъ голову и морозъ впрохворалъ до 6 августа, все лѣто не показываясь людямъ. Не будь св. Онуфрія и его топора, морозъ гулялъ бы все лѣто. Малорусы рассказываютъ: шли однажды четыре человѣка—солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ и морозъ. Повстрѣчался имъ мужикъ. «Добрый день», сказалъ онъ и пошелъ дальше. И вотъ четыре человѣка заспорили между собой: кому собственно сказалъ мужикъ «добрый день». Одинъ говоритъ—«мнѣ», другой—«нѣтъ, мнѣ» и т. д. Порѣшили догнать мужика и спросить его самого. Мужикъ посмотрѣлъ на нихъ, и видя одного потолще, страшнѣе другихъ, сказалъ, что вотъ ему-де поклонился. То былъ вѣтеръ. Всѣ позавидовали вѣтру, а солнце сказало мужику: «Погоди-жь, я тебя испеку.» А вѣтеръ и говоритъ: «Пусть печетъ тебя солнце, сколько хочеть, а какъ я повѣю на тебя холодкомъ, то солнце ничего тебѣ не подѣлаеть.» Морозъ и говоритъ: «Погоди-жь, я тебя заморожу.» А вѣтеръ опять: «Пушай морозъ какъ хочеть морозить, а если я на одномъ мѣстѣ буду смирененько стоять, не буду дуть, такъ и

морозъ ничего не подѣлаеть.» Говорить и мѣсяцъ: «Погоди-жъ, когда ты будешь ночью ѣхать, я такъ запрячусь, что ты низги не увидишь». — «Не бойся, говоритъ вѣтеръ, коли мѣсяцъ запрячется, такъ я такъ дуну, что сорву съ него тучи и тебѣ будетъ свѣтло.» И вотъ мужикъ, успокоенный вѣтромъ, пошелъ себѣ своей дорогой.

Самъ по себѣ *вѣтеръ* — это какой-то безпокойный усатый человекъ: бѣгаетъ-себѣ по бѣлу свѣту да моргаетъ однимъ усомъ. Отъ этого и вѣтеръ на землѣ. А если-бъ онъ моргнулъ обоими усами, то перевернулъ-бы всю землю. Одинъ дуракъ самъ его видѣлъ. Везъ онъ разъ солому, и вѣтеръ рветъ ее и мечетъ. Разсердился дуракъ и бросилъ въ него вилами. Вилы и пропали. Пошелъ дуракъ отыскивать свои вилы, шелъ-шелъ и набрелъ на хатку въ лѣсу. Вошелъ туда — тамъ одна старуха. Попросился ночевать — пустила. Дуракъ поужиналъ и легъ спать. Только-что началъ дремать, вбѣгаетъ въ хату человекъ — волосы растрепаны, лицо испарано, и говоритъ старухѣ: «Дай, мамо, поскорѣй ужинать, а то-миѣ некогда: послалъ меня Богъ въ ту сторону дуть. Ужъ миѣ и надоѣло это, да съ Богомъ ничего не подѣлаешь: старшій не будетъ меньшимъ.» — Это былъ вѣтеръ, а старуха — вѣтрова мать.

Вихрь — это большею частью чортова свадьба. Ъхалъ чумака, да собравшись полдничать, держалъ въ рукѣ ножъ. Вдругъ передъ нимъ завертѣлся вихрь — вертитъ-вертитъ такъ, что дальше и ѣхать нельзя. Чумака терпѣлъ-терпѣлъ, да и не вытерпѣлъ — разсердился и кинулъ въ него ножомъ. Пыль тотчасъ же осѣла.



Вечеръ въ степи.

Смотритъ чумака — на дорогѣ, весь въ крови, лежитъ зарѣзанный чортъ. Этотъ чортъ не любитъ «сала»: когда набѣжитъ вихрь, надо сказать ему — «на сала». Онъ такъ и убѣжитъ со страху.

Какъ въ настоящее время капиталъ представляется могущественною, то творческою, то разрушительною силою, хотя не всегда умною, такъ въ понятіи народа представляется и чортъ. Подземные капиталы, клады находятся въ распоряженіи чорта; за эти капиталы люди продаютъ чорту душу — и это явленіе въ цивилизованномъ мірѣ повторяется еще чаще, чѣмъ въ темномъ народѣ, хотя образованные люди продаютъ вмѣсто души — совѣсть. Чортъ хитеръ, мужикъ очень ловко его обманываетъ. Чортъ большой изобрѣтатель: онъ выдумалъ водку, изобрѣлъ огонь, сдѣлалъ первую избу, телѣгу и т. д.

Во всемъ царствѣ животныхъ любимѣйшее для малорусса существо — *волъ*. Украинецъ надѣлилъ его всѣми совершенствами — умомъ, добротою, воздержаніемъ и проч. Оно и понятно: волъ для чумака — другъ и кормилецъ. А лошадь — существо обжорливое и проклятое богомъ. Когда родился Христосъ и былъ положенъ въ ясли, то лошадь постоянно разрывала сѣно и ѣла его, а волъ — наоборотъ: онъ прикрывалъ младенца сѣномъ, согрѣвалъ его своимъ дыханіемъ и укрылъ его отъ Ирода. Волы разговариваютъ между собою. Одинъ очень скупой человекъ, желая убѣдиться, что волы разговариваютъ, спрятался наканунѣ новаго года въ ясли (въ эту ночь волы всегда бесѣдуютъ). И онъ дѣйствительно услышалъ, какъ волы гово-

рили между собою: «нечего намъ ѣсть (говорили они); нашъ хозяинъ все самъ поѣлъ; уснемъ же хоть, а то завтра намъ придется везти хозяина на кладбище». Такъ оно и случилось.

Свинья была когда-то жидовкой. Теперь свинью называютъ «жидовской теткой», и жида не ѣдят свиного мяса, потому что это мясо жидовки.

О медвѣдѣ рассказываютъ, что онъ былъ когда-то человѣкомъ, именно мельникомъ. Когда Христосъ ходилъ еще по землѣ, то случилось ему однажды проходить мимо мельницы. Мельникъ хотѣлъ напугать его и надѣлъ на себя тулупъ вверхъ шерстью. Только Христосъ ступилъ на мостъ, мельникъ какъ выскочилъ оттуда, какъ зареветь медвѣдемъ. Христосъ и сказалъ: «щобъ ты ревивъ такъ, поки свита ѣ сонця».

Происхожденіе *волка* таково. Чортъ принялся стругать волка, и вотъ изъ стружекъ сдѣлались *шершни*, изъ меньшихъ стружекъ—*оводы*, еще изъ меньшихъ—*мухи*, а изъ самыхъ маленькихъ—*комары*. Какъ только чортъ выстругалъ волка до той величины, какимъ онъ теперь, взялъ и пустилъ его. Вотъ чортъ приводитъ волка къ людямъ и пускаетъ его на перваго человѣка. Человѣкъ взялъ добрую дубинку, спряталъ ее, а потомъ попросилъ волка позволить ему утереться его хвостомъ. Волкъ и это позволилъ, и отставилъ свой хвостъ. Тогда человѣкъ схватилъ его за хвостъ да и началъ бить. Волкъ вырвался, да на чорта. Чортъ испугался—да бѣжать. Волкъ за нимъ. Вотъ почему теперь, когда волкъ бѣжитъ, разинувши пасть, то люди его не трогаютъ, потому что волкъ бѣжитъ за чортомъ и всегда кинется на человѣка, который помѣшаетъ ему поймать своего исконнаго врага. Волками завѣдуетъ св. Юрка, у котораго въ распоряженіи находится и мѣсячная «заслонка». Одинъ человѣкъ самъ это видѣлъ. Разъ колдунъ превратилъ человѣка въ волка. Этотъ новичокъ—волкъ, бродя по лѣсу, проголодался. Въ это время по лѣсу проѣзжалъ св. Юрка на своемъ бѣломъ конѣ. Увидѣвъ голоднаго волка, онъ свиснулъ—и на этотъ свистъ прибѣжалъ другой волкъ, которому св. Юрка и сказалъ: «возьми этого товарища и научи его, что дѣлать:—онъ еще ничего не знаетъ». Св. Юрка потому распоряжается волками, что они помогаютъ ему истреблять чертей: онъ ихъ бьетъ громовыми стрѣлами, а волки—ѣдятъ чертей. «Якъ бы ихъ гримъ не бивъ та вовки не выидали, то ихъ бы такого расплодилось, шо и свиту не було бъ видно».

Чрезвычайно оригинально малоруссъ объясняетъ происхожденіе вражды между *собаками* и *кошками* и почему послѣднія истребляютъ *мышей*. Однажды человѣкъ шелъ на охоту и, повстрѣчавъ двухъ какихъ-то звѣрковъ, началъ ихъ разсиривать—кто они и откуда? Тѣ отвѣчали: «Мы прежде жили въ водѣ, а теперь будемъ жить на землѣ». — «Какъ же вы называетесь?» — «Собаки». — «А покажите паспорта» (охотникъ, вѣрно, служилъ по полиціи). Собаки вынули свои документы и показали ему. Дѣйствительно—собаки. Тогда онъ сказалъ имъ: «Смотрите, вамъ дозволено жить на землѣ только одинъ годъ и, по истеченіи срока паспортамъ, вамъ опять нужно возвращаться въ воду». Черезъ годъ онъ снова встрѣчаетъ ихъ и начинаетъ бранить, зачѣмъ они живутъ на землѣ, когда срокъ прошелъ?— «Безъ паспортовъ намъ нельзя идти въ воду»,— отвѣчали собаки. — «Гдѣ же ваши паспорта?» — «Мы отдали коту». — «Пойдите-жъ и возьмите ихъ у кота». Собаки пошли къ коту и потребовали у него свои паспорта; но паспортовъ у кота ужъ не было: они были украдены у кота мышами, которыя и съѣли собачьи документы. Съ тѣхъ поръ собаки и остались на землѣ. И оттого до сихъ поръ человѣкъ преслѣдуетъ собаку, собака кошку, а кошка мышей, и они всегда будутъ между собою непримиримыми врагами.— Объясненіе это—повторяемъ—очень оригинально и остроумно, но почему-то оно отдаетъ какою-то придуманностью, искусственностью, словно оно сочинено волостнымъ писаремъ. Не даромъ и рѣчь идетъ о документахъ, о паспортахъ. Зато другіе рассказы о кошкѣ—вполнѣ народнаго склада. Когда еще Адамъ жилъ въ раю, чортъ, обратившись въ мышъ, плылъ черезъ море, чтобъ соблазнить Еву. Богородица, увидавъ мышъ, бросила въ нее рукавицей. Изъ рукавицы сдѣлалась кошка и сожрала мышъ-чорта. Поэтому, хотя кошка—и изъ рукавицы Богородицы, однако—считается нечистою, ибо съѣла чорта. Вообще кошка



Вѣдьма.

сдѣлала много добра людямъ. Когда Ной забралъ въ ковчегъ всѣхъ звѣрей, кромѣ мыши, то чортъ, желая сдѣлать людямъ зло, пустилъ въ ковчегъ секретно мышь, чтобъ она прогрызла въ ковчегѣ дыру и потопила его. Но кошка, увидѣвъ мышь, тотчасъ схватила ее и задушила, и чортъ остался съ носомъ.

Мы уже сказали о той громадной роли, какую играетъ чортъ. Это очень замѣчательное явленіе. Чорту приписываютъ даже, что онъ создалъ всѣхъ дикихъ звѣрей, въ томъ числѣ и собаку, и лошадь.

Заяцъ тоже созданъ чортомъ: онъ егс—передовой. Оттого и встрѣча съ зайцемъ несчастлива. — *Сорока* также чортово творенье и служить ему вмѣсто лошади.

Зато къ *чайкѣ*, *дятлу* и *ласточкѣ* народъ малорусскій относится особенно съ поэтической теплотой. Чайка—женщина вдовица. Когда умеръ у нея мужъ, она превратилась въ чайку, «литала надъ его могилою и кигикала». Дятель—это вѣчный труженикъ: онъ весь день долбитъ, а ночью стонетъ. Надо подойти ночью къ гнѣзду дятла и послушать: онъ всю ночь стонетъ. «То въ его голова болитъ оттого, що винъ цѣлый день клювавъ». *Лелека-антъ*—была когда-то служанкою у Богородицы. Другіе рассказываютъ, что Богъ, видя, какъ змѣи и всякіе гады вредятъ людямъ, собралъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ и велѣлъ какому-то человѣку бросить въ море, не развязывая мѣшка. Тотъ не послушался, развязалъ; гады разбѣжались по землѣ, и теперь тотъ человѣкъ, превращенный въ аиста, всю жизнь ловитъ ихъ и поѣдаетъ.

Представленіе малорусса о *соловьѣ* несовсѣмъ поэтическое. Малоруссъ увѣряетъ, что у этой птицы недостаетъ задней части. Ее оторвалъ «клещъ». Боясь, чтобы клещъ не утащилъ еще чего нибудь, соловей не спитъ по ночамъ и все поетъ: «кумъ-клещъ, кумъ-клещъ».



На степномъ озерѣ.

Но малорусская легенда о *жабахъ*, какъ и началъ вражды собакъ, кошекъ и мышей, пахнетъ также чѣмъ-то сочиненнымъ, бурсацкимъ. «Якъ колисъ царь Давидъ кинчавъ псалтырь, та не знавъ, якъ закончити: и на уми вертиться, та не згадае, бо жабы клетотять и мишайють. Давидъ думавъ, думавъ, а послѣ и налаявъ, — каже: «а, прокляти жабы! Мовчить, не мишайте». А жабы кажуть: «шо ты намъ загадуешь мовчать?—

Всякое дыханіе да хвалить Господа». — «А справди, справди», каже тоди Давидъ, «да и закончивъ псалтырь сими словами, а жабъ поблагословивъ». Такъ и чувствуется, что это сочинилъ, во время экзаменовъ, «риторъ Тиберій Горобецъ», которому квакавшія въ пруду жабы мѣшали зубрить риторику.

Въ народной украинской жизни бурсацтво играло немаловажную роль. Всѣ мало-мальски образованные, «письменные» казаки были воспитанники бурсы. Между запорожцами былъ не малый процентъ бурсаковъ. Этимъ, намъ кажется, и объясняется то, что въ малорусскомъ народномъ міросозерцаніи «божественное» рядомъ съ чортомъ играетъ почти первичную роль.

Но помимо бурсацкихъ измышлений, которыя, однако, стали чисто-народными, большинство легендъ и представлений изобличаетъ самостоятельное творчество украинскаго народа. Фантазія его широка, хотя до крайности наивна. Онъ все истолковываетъ по своему и вездѣ находитъ причинность явленій. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо воспримчивѣе къ силамъ и явленіямъ природы, чѣмъ его великорусскій братъ. Тамъ, гдѣ есть мѣсто для чудеснаго и сверхъестественнаго—воображеніе малорусса не знаетъ границъ, и все страшное, ужасное онъ изображаетъ самыми яркими, грубыми красками. Но зато, гдѣ есть мѣсто для юмора—юморъ этотъ также яркъ и подчасъ грубоватъ.

Невозможно въ одномъ сжатомъ очеркѣ исчерпать все богатство, разнообразіе, оригинальность и часто глубокую поэтичность украинскаго народнаго міросозерцанія. Иныя изъ представлений связываются съ самою далекою древностью, съ тою древностью, когда совер-

шался процессъ разселенія по Европѣ славянскихъ и иныхъ народностей. Есть представленія, въ которыхъ нельзя не видѣть намековъ на что-то историческое, но такое отдаленное, которое не поддается никакимъ научнымъ догадкамъ. Вотъ хоть бы представленіе о какомъ-то невѣдомомъ народѣ — «рахманахъ». Этотъ народъ обитаетъ гдѣ-то очень далеко, на другомъ концѣ свѣта, куда текутъ всѣ рѣки, и малоруссы почему-то питаютъ сочувствіе къ этому невѣдомому народу, точно къ брату-славянину. «Рахманы» не знаютъ времени, т.-е. не имѣютъ собственнаго счисленія дней года, и потому празднуютъ пасху тогда только, когда къ нимъ доплыветъ скорлупа крашеннаго яйца, съѣденнаго на пасху въ Малороссіи. Вслѣдствіе этого, въ народѣ существуетъ обыкновеніе — выбрасывать «на великъ день» скорлупы «крашанокъ» въ рѣку, по которымъ бѣдныя «рахманы» могли бы догадаться, что на Украинѣ настала пасха. Скорлупы эти доплываютъ къ «рахманамъ» въ три недѣли, именно къ празднику преполовенія, который поэтому у малоруссовъ и называется «рахманскимъ великоднемъ».

Въ воображеніи малорусса до сихъ поръ живетъ не мало мифическихъ существъ. Есть необыкновенныя птицы, которыя, растопыривая огромныя крылья, заслоняютъ свѣтъ солнца: птицы эти могутъ летать безъ отдыха сорокъ сутокъ. Есть «морськи-люди» — на половину имѣютъ человѣческое туловище, а на половину — хвостъ рыбы. Это большею частью женщины, которымъ народъ приписываетъ произведеніе всѣхъ пѣсенъ, существующихъ на землѣ. Пѣніемъ своимъ онѣ завлекаютъ пловцовъ и губятъ ихъ. Удивительная живучесть народныхъ вѣрованій! Въ «морскихъ людяхъ» до сихъ поръ живутъ мифическія сирены.

«Сыроиды» — люди съ одною рукой, съ одною ногой и съ однимъ глазомъ. Они сѣпляются по-двое и бѣгаютъ необыкновенно быстро. Пойманныхъ людей они рѣжутъ и ѣдятъ. Живутъ въ «Туреччинѣ за Дунаемъ» — это въ Болгаріи, значитъ. Въ селѣ Капустянахъ и теперь еще живетъ солдатъ, который былъ у нихъ въ плѣну, да товарищи выручили. Таковы-то географическія и этнографическія свѣдѣнія, вынесенныя нашимъ солдатикомъ, сподвижникомъ Дибича, изъ-за Дуная! Теперь, вѣроятно, эти свѣдѣнія пополнятся.

Понятія о первобытныхъ человѣческихъ изобрѣтеніяхъ, о первыхъ культурныхъ шагахъ человѣка поражаютъ иногда своей оригинальностью. Память народная, при помощи устныхъ преданій, доселѣ не разорвала еще связи съ допотопнымъ міромъ, съ каменнымъ періодомъ жизни человѣческихъ обществъ. Изобрѣтеніе серпа, косы, плуга объясняется очень просто. Напримѣръ, стояла на землѣ кузница; по обыкновенію, кузницы кроются не деревомъ, не соломой, а просто землей, изъ предосторожности отъ огня; на крышѣ кузницы выросла трава; люди, не имѣвшіе понятія о косьбѣ травы, встаскиваютъ на крышу кузницы вола, чтобы онъ съѣлъ выросшую тамъ траву; проходитъ мимо мудрецъ, видитъ вола на кузницѣ, входитъ въ кузницу, показываетъ кузнецу, какъ сдѣлать косу, даетъ эту косу людямъ, которые скашиваютъ выросшую на кузницѣ траву и отдаютъ волу. Отсюда и пошла коса по міру и люди не втаскиваютъ ужъ воловъ на крыши для пастбы.

Мы взяли только нѣкоторыя черты изъ народнаго міровоззрѣнія, черты, характеризующія малорусса. Мы не касались ни его преданій, ни сказокъ, ни пѣсенъ — это слишкомъ обширный предметъ, чтобы его можно было уложить въ рамки журнальнаго очерка; притомъ же, предметъ этотъ не новъ въ русской печати; онъ имѣетъ уже свою богатую литературу. Малорусская поэзія — пѣсни историческія и бытовыя — вызывала спеціальныя труды ученыхъ и не достаточно обработана. Достаточно указать на прекрасныя и обширныя изслѣдованія въ этой области Н. И. Костомарова, чтобы убѣдиться, что это непечатый уголъ Малороссіи. А мы въ данномъ разѣ касаемся именно непечатаго угла. Притомъ пѣсни и сказки принадлежатъ къ прошлому, къ тому прошлому, о которомъ авторъ бессмертныхъ «Пана та собаки» да «Солопія и Хиври», покойный Гулакъ-Артемовскій сказалъ:

Этимъ прошлымъ Малороссіи уже достаточно занимались въ ущербъ настоящему; мы же обозрѣваемъ настоящее, которое для всѣхъ, интересующихся Малороссією, едва-ли не менѣе известно, чѣмъ прошлое. А это—нехорошій признакъ: равнодушіе къ настоящему и оглядываніе назадъ, въ прошедшее—признакъ старчества. Старость любитъ переноситься въ годы своей золотой молодости: тамъ и воспоминанія ея полнѣй, и интересы прошлаго для нея существеннѣе; событія молодости она помнитъ какъ-бы происшествія вчерашняго дня—имена, факты, ощущенія, картины—все это живо сидитъ въ старческой памяти, и старость любитъ повторять: «то-то было въ наше время». Зато событія вчерашняго дня, текушій день и его подробности старость не помнитъ, а иногда даже спрашиваетъ: «да обѣдали-ли мы сегодня? какой нынче день?» Мы не хотимъ этимъ сказать, что Малороссія переживаетъ старческіе годы; нѣтъ, мы только хотимъ заявить, что современная Малороссія менѣе обращала на себя вниманіе изслѣдователей, вниманіе печати, чѣмъ Малороссія отжившая. Если Малороссія и появлялась въ современной литературѣ, то только такъ-сказать въ барской обстановкѣ и въ вопросѣ специально-литературномъ, то-есть въ вопросѣ, имѣется ли и возможна-ли самостоя-

тельная малорусская литература? Этому вопросу мы всего менѣе намѣрены касаться, такъ какъ хотя на рѣшеніе подобныхъ вопросовъ и претендуетъ всегда типографскій станокъ, однако, самымъ рѣшеніемъ ихъ заправляетъ жизнь, исторія, время, вся сумма жизненныхъ условий, какъ она заправляетъ, напимѣръ, рѣшеніемъ вопроса: что ожидается въ будущемъ году — урожай или неурожай? Мы потому и устраниаемся отъ этого вопроса, что онъ сталъ почему-то «проклятымъ».

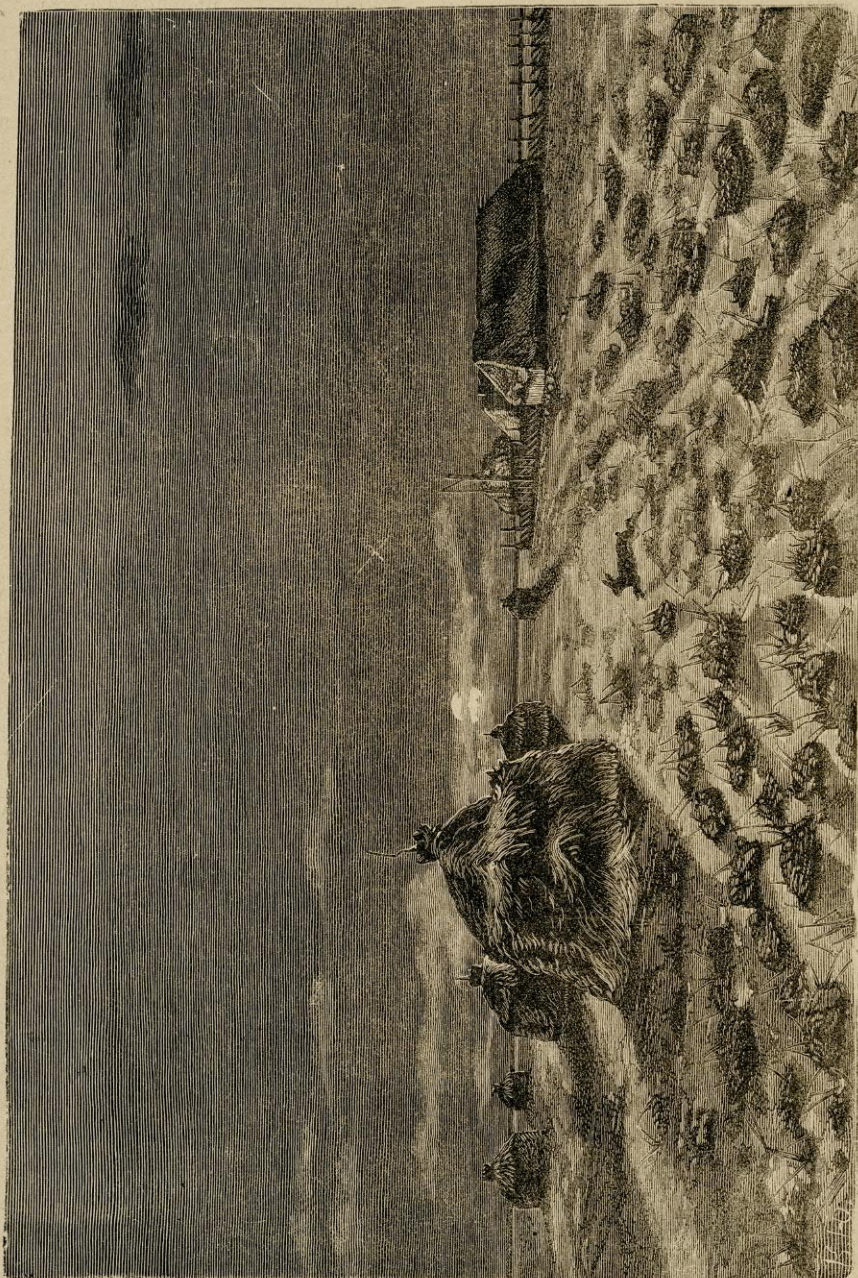


Ночью въ степи.

Стремленіе къ изученію современной Малороссіи хотя проявилось и недавно, однако результаты этого

стремленія уже и теперь представляются весьма солидными. Достаточно упомянуть имена лицъ, трудами которыхъ въ послѣдніе годы много подвинулось впередъ освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи, и указать, на какія стороны изучаемаго предмета обращено вниманіе изслѣдователей и собирателей, чтобы видѣть, что въ настоящемъ и будущемъ можетъ быть наवरстано то, что потеряно въ прошедшемъ: проф. Кистяковскій разработалъ массы собранныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ; проф. Антоновичъ представилъ до 100 извлеченій изъ процессовъ о колдовствѣ; г. Залюбовскій далъ богатый сборникъ игръ, сказокъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ; г. Дыминскій — сборникъ повѣрій, загадокъ; г. Струцинскій — сборникъ вѣрованій, суевѣрій и легендъ; г. Воронецкій — сборникъ обрядовъ, народныхъ вѣрованій; въ томъ же и другихъ направленіяхъ работали: гг. Чередниченко, Кравцовъ, Раевскій, Ильяшевичъ, Волкъ, Руссовъ, Лисенко, Кардашъ, Новицкій, Смирненко, Чернецкій, Андреевскій, Столбинъ, Ждановъ, Оедоренко, Ящинскій, Хойнацкій, Касьяненко, Ильницкій, Савченко, Поленковскій (обширное собраніе матеріаловъ, касающихся обрядовъ, повѣрій, праздниковъ, занятій и юридическаго быта *середовъ*).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ ознакомленію съ другими сторонами современной Малороссіи, добавимъ нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ практическихъ примѣненій народнаго



По первой порощѣ.

міровоззрѣнія, которымъ малорусъ даетъ мѣсто въ самой жизни. Это—его отношенія къ окружающей природѣ.

Исходя изъ своего міровоззрѣнія, малорусъ никогда не рѣшится ударить кого-либо осиновою палкою—не только человѣка, но и скотину, потому что на *осинѣ* Гуда повѣсился,

отчего ея листья постоянно трясутся. *Бузину* нельзя ни уничтожать, ни выкапывать, ибо у того, кто это сдѣлаетъ, сведетъ руки и ноги. Вслѣдствіе этого росту бузины предоставляется полная свобода. Когда у скотины заведутся черви, то надо утромъ, до солнечнаго восхода, пригнуть *коровякъ* къ землѣ и прикрыть камнемъ, употребляемымъ при варкѣ бѣлья: отъ этого черви выпадутъ сами собой. Въ *любистки* купаютъ дѣвочекъ, чтобы ихъ любили мужчины. Кого всѣ любятъ о томъ говорятъ: «мабуди тебе мати у любцы купала». *Чернобыль* затыкаютъ подъ крышу, какъ талисманъ. *Ломитисъ* употребляютъ для избѣжанія рекрутства: онъ будто бы дѣлаетъ нарывы на тѣлѣ. Пока *просо* не посеяно, то на дворѣ нельзя ни обѣдать, ни ужинать, и т. д.

Какъ можно видѣть изъ всего сказаннаго выше (а это, можетъ быть, тысячная доля того, что есть на самомъ дѣлѣ), вся жизнь малорусса, его мысли, его поступки, каждый шагъ, всякое рѣшеніе—все это невольно подчиняется его міровоззрѣнію, которое создаетъ такую сѣть обрядности, направляющей самую жизнь, что выходъ изъ нея почти невозможенъ. Это та первобытная обрядность, изъ которой создается такъ-называемое Спенсеромъ «обрядовое правительство». Это послѣднее держитъ еще малорусса въ полной, авторитарической зависимости и отражается, какъ мы увидимъ впоследствии, на всей его жизни—на медленности его культурнаго, экономическаго и соціальнаго роста.

Извѣстно, что всѣ западные цивилизованные народы, можно сказать, давно уже *отплыли* свою народную пѣсню: тамъ она удѣлѣла только кое-гдѣ въ глуши, и то въ обрывкахъ. Одинъ славянскій міръ продолжаетъ еще пѣть по-старому. Самыми пѣвучими изъ славянъ остаются сербы и русскіе съ украинцами. Нельзя не изумляться хотя бы при чтеніи доклада географическому обществу г. Чубинскаго о результатахъ его этнографической экспедиціи въ югозападный край, доклада, въ которомъ даровитый этнографъ говоритъ, что, собравъ въ теченіе одного съ небольшимъ года массу этнографическихъ матеріаловъ (относительно поражающаго объема ихъ мы уже упомянули выше), онъ, несмотря на имѣющіеся уже богатые сборники украинскихъ народныхъ пѣсенъ г.г. Цертелева, Максимовича, Метлинскаго, Костомарова и др., успѣлъ записать около *четырехъ тысячъ* новыхъ пѣсенъ и вариантовъ, да г. Новицкій тамъ же собралъ—*болѣе пяти тысячъ!* Такое богатство народнаго творчества—это что-то положительно изумляющее. Составить изъ всего этого неисчерпаемаго источника краткій очеркъ, выжимку, такъ-сказать, въ какой-нибудь печатный листъ для читателя, незнакомаго съ прежними прекрасными трудами о народной украинской поэзіи г.г. Костомарова, Рудченка, Кулиша, Руссова, ни съ самою этою поэзіею—дѣло почти невозможное. Приходится ограничиться нѣкоторыми наиболѣе яркими, выдающимися сторонами этой богатой поэзіи.

Украина любитъ пѣть болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ—это такой пѣвучій край, что въ хорошую весеннюю ночь любое украинское село, если оно только не поражено какимъ-либо бѣдствіемъ, поетъ отъ зари до зари, какъ соловей. Молодежь—«дивчата» и «парубки»—поютъ на улицѣ (то, что въ Россіи хороводъ) неумолкаемо. Пѣсня не умолкаетъ и зимой—на «вечерникахъ». Весь лѣтній день—опять пѣсня: поетъ молодежь и за работой—на огородѣ, въ «вишневомъ садочку» и въ полѣ; поетъ и пожилая женщина что-либо подходящее къ ея возрасту: шьетъ мужу сорочку—поетъ; идетъ за водой до «криницы»—поетъ; оплакиваетъ покойника—опять пѣсня; поетъ и старость, беспомощность, нищенство: слѣпой «кобзарь» зарабатываетъ себѣ хлѣбъ пѣніемъ пѣсенъ, а подчасъ—и «думъ», все болѣе и болѣе вымирающихъ.

Украинская пѣсня распадается на два главныхъ отдѣла—на пѣсню историческую и на бытовую, въ широкомъ значеніи этого слова. Самымъ дорогимъ образцомъ исторической пѣсни является «дума»—это осколокъ временъ героическихъ, временъ «казачины»; а носителемъ этого дорогого и славнаго героическаго прошлаго является «кобзарь»—тоже своего рода драгоцѣнный историческій осколокъ, съ помощью котораго для насъ становится понят-

нымъ Гомеръ съ его народнымъ міровоззрѣніемъ. Украинскій «кобзарь» или «бандуристъ» представляетъ собою живое выраженіе тѣхъ явленій прошлой жизни, которыя извѣстны намъ только изъ исторіи: «кобзарь»—это «рапсодъ» классическаго міра, уцѣлѣвшій Гомеръ, бардъ западныхъ народовъ, давно уже умершій. Только въ славянствѣ живъ еще этотъ Гомеръ у сербовъ—«спіепачки ніебога», у украинцевъ—«кобзарь», у русскихъ—«сказатель». Но—повторяемъ—все это вымираетъ и въ славянствѣ, какъ вымерло на западѣ, и казацкія «думы» годъ отъ году вымираютъ. Это—неизбѣжный ходъ исторической жизни. «Думы малорусскія казачкаго періода забыты, почти окончили къ настоящей минутѣ свое существованіе (говорить г. Руссовъ въ своемъ прекрасномъ рефератѣ—*«Останъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ»*); народъ, переставъ творить новыя пѣсни, забылъ старыя, и еслибы изданія Цертелева, Максимовича, Мордовцева (прибавимъ—Метлинскаго и Чубинскаго), Костомарова, Лукашевича и Кулиша не успѣли захватить ихъ во время, теперь уже всѣ попытки отыскать ихъ были бы напрасны. Въ позапрошломъ и прошломъ уже десятилѣтіи П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью разыскать въ народѣ преданія о казацкой старинѣ, могъ найти двухъ только истинныхъ бандуристовъ или, иначе, *кобзарей*, знавшихъ старыя думы: это были—Андрей Шуть и Остапъ Вересай. Въ его уже время бандуриста можно было найти только на лѣвой сторонѣ Днѣпра, что объяснялъ онъ историческими условіями, обезлюдившими эту сторону Днѣпра въ періодъ руинъ и Колівинщины *)». Однимъ словомъ,—Остапъ Вересай считается, кажется, послѣднимъ представителемъ историческаго кобзара, память о которомъ скоро исчезнетъ, какъ о явленіи давно отжившаго строя жизни.

Тѣмъ драгоценнѣе должны быть для насъ тѣ «думы», которыя пѣлъ этотъ послѣдній кобзарь. Онъ пѣлъ ихъ всего шесть думъ: 1) *Дума про бурю на Черномъ морѣ*; 2) *Какъ три брата изъ Азова убѣгали*; 3) *Про вдову и трехъ сыновъ*; 4) *Отчизнѣ*; 5) *Невольничка* и 6) *Дума про Федора Безроднаго*.

Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1877 г.) Вересай, по распоряженію географическаго общества, былъ привозимъ въ Петербургъ и пѣлъ свои думы, какъ въ этомъ обществѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на слушателей, было очень сильное. Вотъ какъ г. Руссовъ характеризуетъ этого послѣдняго кобзара: «Какъ артистъ, Вересай принадлежитъ къ числу недюжинныхъ талантовъ. Самъ онъ поетъ съ глубокопрочувствованною экспрессією и при исполненіи нѣкоторыхъ мѣстъ своихъ пѣсень иногда заливается слезами. Съ такою же степенью напряженія относится онъ и къ чужому артистическому исполненію. Несмотря на свой старыи возрастъ, при исполненіи малорусскаго казачка, онъ пустился однажды въ плясъ, причемъ вся фигура его дышала огнемъ неудержимой страсти. Попавъ въ общество, гдѣ пѣлись малорусскія пѣсни и думки и, прослушавъ нѣкоторыя съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ какъ-то судорожно заплакалъ: «свите мій, свите! хочъ и не бачишь тебе—якій же ты гарный!—а помирати жъ якъ не хочеться!»

Приведемъ здѣсь одну изъ «думъ», именно ту, которую пѣлъ Вересай въ географическомъ обществѣ. Для читателей, не понимающихъ по-малорусски, мы передадимъ ее по-русски, въ буквальномъ переводѣ, хотя не можемъ не признаться, что такія народныя созданія, какъ «думы», переводить нельзя и что во всякомъ случаѣ такой переводъ будетъ до нѣкоторой степени искаженіемъ оригинала.

Вотъ эта «дума». «Ой то не пыли пыдили («пыль»—во множественномъ числѣ), не туманы вставали, какъ изъ земли турецкой—вѣры бусурманской, изъ города изъ Азова, изъ тяжкой неволи, три братенька убѣгали: два конныхъ, третій пѣшій—«пѣшаница», какъ бы тотъ чужой—«чуженица», за конными бѣжить-подбѣгаетъ, на сырое коренье, на бѣлое камень»

*) «Записки юго-запади. отдѣла Импер. Русс. геогр. общ.» т. I. Кіевъ, 1874.

ножки свои казацкія поскіааетъ, кровью слѣды заливаетъ, до конныхъ братьевъ добѣгаетъ, за стремяна хватаетъ, словами промовляетъ: «Стойте вы, братцы! коней попаситѣ, меня подождите, съ собою гозьмите, до городовъ христіанскихъ хоть мало подвезите: пусть я буду знать, какъ мнѣ дорогу въ города христіанскіе, къ отцу - матери сыискать».

И то братья услышали, такими словами отвѣчали: «Ой, братецъ ты нашъ меньшій, милый, голубочекъ ты сизый! Охъ мы сами отъ погони не уйдемъ и тебя не спасемъ: будетъ за нами изъ города Азова погоня бѣжать, тебя пѣшаго въ тернахъ да въ «баиракахъ» минать, а насъ конныхъ будетъ догонять, стрѣлять - рубать, или живыхъ въ полонъ возвращать. А какъ живъ - здоровъ будешь, самъ въ землѣ христіанскую пройдешь».

«И то сказали, сами побѣжали. А меньшій братъ, пѣшій-пѣшаница, за конными братьями посиѣшаетъ, коней за стремяна хватаетъ, словами промовляетъ, слезами стремяна обливаетъ: «Братцы вы мои родненькіе, голубчики сизые! Коли ужъ вы меня, братцы, не хотите ждать, такъ хоть одно милосердіе покажите, изъ ножднѣ сабли вынимайте, съ плечъ мою голову съмайте, тѣло мое изрубите, въ чистомъ полѣ похороните — тѣмъ вы меня звѣрю-птицѣ на добычу не дадите».

«И братья то услышали, такъ ему отвѣчали: «Братецъ нашъ милый, голубочекъ сизый! Что ты это говоришь! Слово наше сердце ножомъ пронизываешь! Наши мечи на тебя не поднимугся — на двѣнадцать частей разлетятся, и душа наша отъ грѣховъ до-вѣку не откупится. Этого, братъ, среду нигдѣ не слышали, чтобы родною кровью сабли обмывали, али-бы острымъ копьемъ опрощенье брали» (непереводимо).

— «Когда же вы, братцы, не хотите меня убивать, такъ прошу васъ, братцы, какъ будете лѣсомъ проѣзжать, терновыя вѣтви въ приполю рубайте, мнѣ примѣту покидайте».

И вотъ когда братья стали къ лѣсу подъѣзжать, средній братъ милосердіе проявляетъ, верхушки у терновниковъ срываетъ, меньшему брату примѣты бросаетъ. А какъ оба до Савурь-могилы добѣжали, на Савурь-могилѣ три дня и три ночи отдыхали, своего меньшого брата, пѣшаго-«пѣшаницу» поджидали.

«А меньшій братъ, пѣшій-пѣшаница, до терновыхъ кустовъ добѣгаетъ, верхушки терновника беретъ-хватаетъ, къ сердцу казацкому прижимаетъ, слезами обливаетъ: «это мои конные братцы проѣзжали, у терновника верхушки срывали, и мнѣ, меньшему брату, пѣшему-«пѣшаницѣ», примѣту оставляли, чтобъ зналъ я, какъ изъ тяжелой неволи въ землѣ христіанскую, къ отцу-матери и къ роду дорогу найти».

«И такія рѣчи промовивъ, оттуда бѣжить далѣе и выходитъ изъ лѣсу: нѣту впереди ни терновъ, ни кустовъ и никакихъ примѣтъ — только степь синѣетъ, да трава зеленѣетъ».

«И вотъ старшій и средній братъ на поле выбѣгаютъ, гдѣ ни терновъ, ни кустовъ не находятъ больше: неоткуда зеленыя верхушки срывать, нѣчѣмъ меньшему брату примѣты оставлять. И сталъ тогда средній братъ старшему говорить: «Давай, братъ, мы съ себя зеленые жупаны снимать, красную да желтую китайку съ нихъ срывать, пѣшему брату примѣты оставлять: пусть онъ, бѣдный, знаетъ, куда ему за нами, конными, убѣгать».

«На это старшій братъ «сгорда» отвѣчалъ: «Да развѣ видано, братъ, чтобъ я свое турецкое добро на доскутки рвалъ и меньшему брату примѣты оставлялъ! Коли самъ живъ да здоровъ будетъ, такъ и самъ въ землѣ христіанскую безъ всякихъ примѣтъ нашихъ прибудетъ».



Кобзарь.

«А середній братъ милосердїе старшаго: изъ своего жупана красную да желтую китайку выдираетъ, по дорогѣ разстилаетъ-бросаетъ, меньшему брату примѣту оставляетъ, и къ старшему такими слѣсами промовляетъ: «Братецъ мой старшій, рѣдненькій! Прошу тебя: тутъ травы зеленяыя, воды здоровыя, камыши удобные: остановимся тутъ — хоть немного коней



Кобзарь-лирникъ.

своихъ попасёмъ, меньшого брата хоть часочекъ подождемъ, на своихъ коней возьмемъ, до городовъ христіанскихъ хоть мало подвеземъ. Пускай нашъ меньшій братецъ будетъ знать, какъ городъ христіанскіе, отца съ матерью сыскать».

«На это старшій братъ среднему отвѣчаетъ: «Или мало тебѣ въ турецкой неволѣ горя досталось, или кандалы мало тебѣ въ руки вѣдалися? Какъ станемъ мы пѣшаго брата поджидать, будетъ насъ изъ города Азова великая погоня догонять, станеть насъ, конныхъ

братьевъ, настигать, станеть насъ на три части разрубать, а то еще горше будетъ — станеть насъ живьемъ опять у полонъ забирать, а меньшого брата будетъ въ тернахъ, либо въ оврагахъ, соннаго, минать: — такъ мы и брата пѣшаго не спасемъ и сами изъ азовской турецкой неводи не уйдемъ».

«А какъ сталъ пѣшеходецъ изъ терновъ выходить, сталъ онъ красную китайку находить, руками ее хватаетъ, горькими слезами обливаетъ: «Не даромъ, говоритъ, красная китайка на степи валяется—должно быть моихъ братьевъ на свѣтѣ не стало! Вѣрно, за ними изъ города Азова погоня бѣжала, меня въ тернахъ соннаго минала, а братьевъ моихъ догоняла — стрѣляла - рубала! Еслибъ я зналъ, что мои братья пострѣлены или порубаны, или живые въ полонъ взяты, то я пошелъ бы по тернамъ да оврагамъ блуждать, тѣло казацкое молодецкое искать, чтобъ тѣло казацкое молодецкое въ чистомъ полѣ закопать, звѣрю-птицѣ въ добычу не дать».

«И онъ на «муравскій шляхъ» (дорогу) выбѣгаетъ, и тамъ слѣды своихъ братьевъ замѣчаетъ. А самого его, меньшого, постигли въ полѣ три «недоли»: одно — безводье, другое — безхлѣбье, третье — буйный вѣтеръ въ полѣ завиваетъ, бѣднаго казака съ ногъ валяетъ...»

«Но вотъ онъ до Савуръ-могили прибываетъ, на Савуръ-могилу вступаетъ, на могилѣ отдыхаетъ, долго съ неба дождя-погоды ожидаетъ.»

«Мало-немного отдохалъ; какъ вотъ къ нему волки-«сѣроманцы» прибѣгли, орлы-чернокрыльцы налетали, въ головахъ садились — мрачныя похороны отправлять собирались. А казакъ ихъ увидалъ, словами такими къ нимъ промовлялъ: «Волки-сѣроманцы, орлы-чернокрыльцы, гости мои милые! Хоть мало-немного обождите, пока душа казацка съ тѣломъ разлучится: тогда вы будете у меня изо лба черныя очи выдирать, бѣлое тѣло около желтой кости обѣдять, подъ зелеными яворами зарывать и камышами прикрывать».

«Мало-немного отдохалъ... Ни руки не поднимаются, ни ноги не ходятъ, ясныя очи на небо не глянутъ... Бѣднякъ тяжело вздыхаетъ, такими словами промовляетъ: «Голова моя казацкая, голова моя молодецкая! Бывала ты въ земляхъ турецкихъ, у вѣры бусурманской, а теперь припало тебѣ на безводѣ, на безхлѣбѣ погибать: девятый день уста мои хлѣба не знаютъ, и вотъ я на безводѣ, на безхлѣбѣ погибаю».

«И какъ только онъ это промовилъ — не черная туча налетала, не буйные вѣтры подували — то душа казацкая молодецкая съ тѣломъ разлучалась. Тогда волки-сѣроманцы набѣгли, бѣлое тѣло казацкое пожирали, орлы-чернокрыльцы налетали, въ головкахъ садились, на черныя кудри наступали, изъ-подо лба глаза выдирали, а тамъ и мелкая птица налетала, около желтой кости тѣло обдирала, да еще и кукушки прилетали и, сидя въ головахъ, словно сестры родныя куковали, да и снова волки-сѣроманы прибѣгли, желтую кость по оврагамъ, по тернамъ таскали, подъ зелеными яворами зарывали, камышами прикрывали, и жалобно выли-завывали — то они казацкія похороны справляли.»

«А какъ стали старшіе братья до рѣчки Самарки добѣгать, стала ихъ темная ноченька настигать, сталъ братъ старшій къ среднему словами промовлять: «Станемъ, братецъ, тутъ — коней попасемъ: тутъ курганы высокіе, трава шелковая и вода студеная; станемъ тутъ, пождемъ, пока солнышко подымется — то не прибудеть ли нашъ пѣшій-пѣхотинецъ: тогда я покажу ему свое милосердіе — лишнюю ношу побросаю, а его, пѣшаго, на коня посажу».

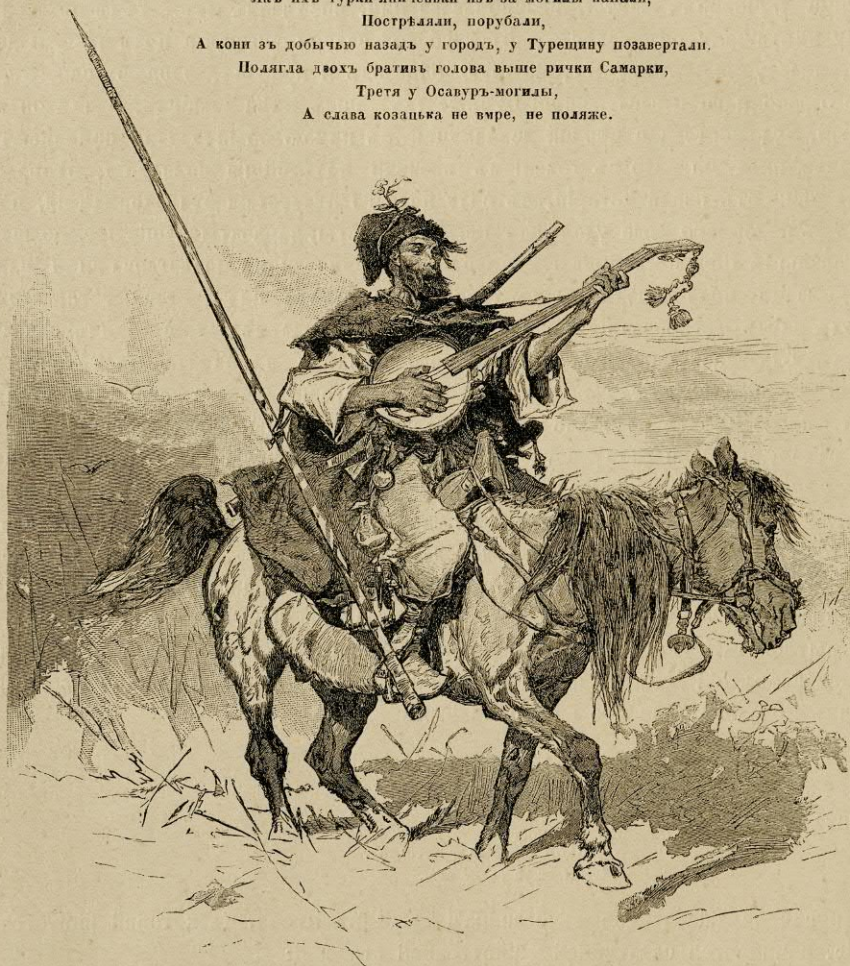
— «Тогда бы было, какъ я говорилъ, его на коня сажать; а теперь уже девятый день проходить, какъ онъ хлѣбъ-соль ѣлъ и воду пилъ: теперь его давно на свѣтѣ не стало».

«Тогда они коней пастись пускали, подъ головы себѣ мѣшки дорожные положили, ружья въ камышахъ попрятали и спокойно легли спать въ ожиданіи утра. Когда же утро настало, тогда они на коней садились и черезъ рѣчку Самарку въ города христіанскіе поѣхали. И сталъ старшій братъ говорить среднему: «когда прибудемъ мы къ отцу, къ матери, — что мы скажемъ имъ о младшемъ братѣ? Если намъ всю правду сказать, будутъ насъ отецъ съ матерью про-

клинать; а будемъ мы передъ отцемъ-матерью лгать, такъ будетъ насъ Господь милосердный и видимо и невидимо карать. А лучше, братъ, мы такъ скажемъ: что не у одного господина мы находились, не одна была у насъ неволя; а какъ ночью порою мы изъ тяжелой неволи уходили, то мы и къ меньшему брату заходили: «встань, говоримъ, братецъ, уходи изъ тяжелой неволи вмѣстѣ съ нами, казаками». Такъ онъ намъ сказалъ: «уходите вы одни, братцы, а я тутъ останусь, можетъ найду себѣ счастье-долю». А какъ будутъ отецъ и мать умирать, тогда мы станемъ ихъ добро себѣ забирать и третій братъ не будетъ намъ мѣшать».

Но и этихъ братьевъ постигла трагическая участь. Вотъ какъ заканчивается эта прекрасная дума:

Тутъ тее промовляли,
И не сизи ораы заклекотаали,
Якъ ихъ турки-дичевьки изъ-за могилы напали,
Пострѣяали, порубали,
А кони зъ добычью назадъ у городъ, у Турещину позавертали.
Полягла двоухъ братьевъ голова выше рички Самарки,
Третья у Осауръ-могилы,
А слава козацька не вьре, не поляже.



Кобзарь въ степи.

Вообще, можно сказать, что самыя лучшія глубоко прочувствованныя думы—это «невольницкія»; да оно и понятно. «Можно полагать,—говоритъ г. Кулинь,—что невольницкія думы складывались и пѣлись тамъ же, на сценѣ невольничества, передъ отцами и братьями, отыскивавшими по невольницкимъ рынкамъ своихъ дорогихъ сердцу. Турещина была наполнена славянами и они-то слушали такихъ кобзарей «z wielkim upodobaniem», какъ говоритъ

Стрыйковскій. Публика однихъ невольниковъ, не говоря о торговомъ народѣ, въ томъ числѣ и потурнаковъ, была въ Турчинѣ весьма многочисленна, такъ что коренные турки относились къ нимъ, какъ пастухи къ стаду. А что мусульмане не мѣшали славянамъ жить по своему, въ этомъ можно убѣдиться, путешествуя въ наше время по турецкому берегу Дуная, населенному нашимъ украинскимъ народомъ, бѣжавшимъ туда отъ панщины и другихъ невзгодъ. Тамъ я мѣстами видѣлъ и слышалъ больше украинскаго, чѣмъ въ самой Украинѣ. (Истор. возсоед. Руси, I, 333—334).

Глубокій знатокъ украинской народной поэзіи и даровитый композиторъ г. Лисенко вотъ что говоритъ объ этомъ исчезновеніи украинской «думы» и о вымираніи историческаго «кобзаря»: «Народъ нашъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, переставши бытъ дѣятелемъ и участникомъ въ судьбахъ своей родины, лишень черезъ то и самого матеріала, изъ котораго онъ нѣкогда почерпалъ факты, вдохновлялся ими, воспѣвалъ ихъ. Тѣмъ не менѣ любовь къ своему минувшему онъ лелѣялъ; въ глубокой задумчивости, а подѣ-часъ и до слезъ растроганный, выслушивалъ онъ эту, полную образовъ и красокъ, эпопею своего тяжкаго горя или своего законнаго и заслуженнаго торжества, подѣ впечатленіемъ, вдобавокъ, такой чуткой и тонкой, художественно вѣрной декламациі, съ какою обыкновенно исполняютъ бандуристы историческія думы. Но съ теченіемъ времени позднѣйшія поколѣнія, оторванныя и воспоминаніемъ даже отъ своей исторіи, въ силу полнаго отсутствія отчизновѣднія, потеряли и самый вкусъ къ подобнаго рода удовольствію. Бандуристы, зарабатывавшіе прежде насущный хлѣбъ свой, главнымъ образомъ привлекая публику историческими повѣствованіями или нравственными разсказами, видя холодность къ такого рода исполненіямъ, стали естественно поддѣлываться подѣ вкусъ и требованія слушателей, причемъ, разумѣется, историческая дума въ репертуарѣ ихъ оказалась лишнею. Мало у кого уцѣлѣли въ памяти въ теченіе многолѣтней тяжелой жизни *слитце-старце* эти думы, и это ничтожное число знающихъ старую музыку кобзарей уже не имѣетъ наслѣдниковъ, которымъ могло бы передѣть свой репертуаръ, такъ какъ по самому практическому неудобству, по трудности игры на бандурѣ, ученики, поступающіе къ *старцу* въ науку, предпочитаютъ учиться *на мртъ* для скорѣйшаго зарабатыванія хлѣба»... И вотъ, типъ историческаго кобзаря-бандуриста перерождается въ «лирника» (*характеристика музыкальных особенностей малорусскихъ думъ и тѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаевъ, Н. В. Лисенко. Зап. юго-запад. отд. Имп. рус. геогр. общ. I, 1874, стр. 342—343*).

Бытовая пѣсня, во всѣхъ ея формахъ, представляетъ неисчерпаемый родникъ, хотя и ее начинается вытѣснятъ пѣсня новѣйшаго, цивилизованнаго склада—пѣсня «московская». Но что это за ужасная пѣсня! Что это за цивилизація!—horribile dictu! Въ новой пѣснѣ фигурируетъ «гусарикъ молодой», или что еще цивилизованнѣе:

Жукъ у глани, Харько пьяный,
Выражаечко мое!

Это значить:

Звукъ унылый фортепьяно,
Выражай тоску мою.

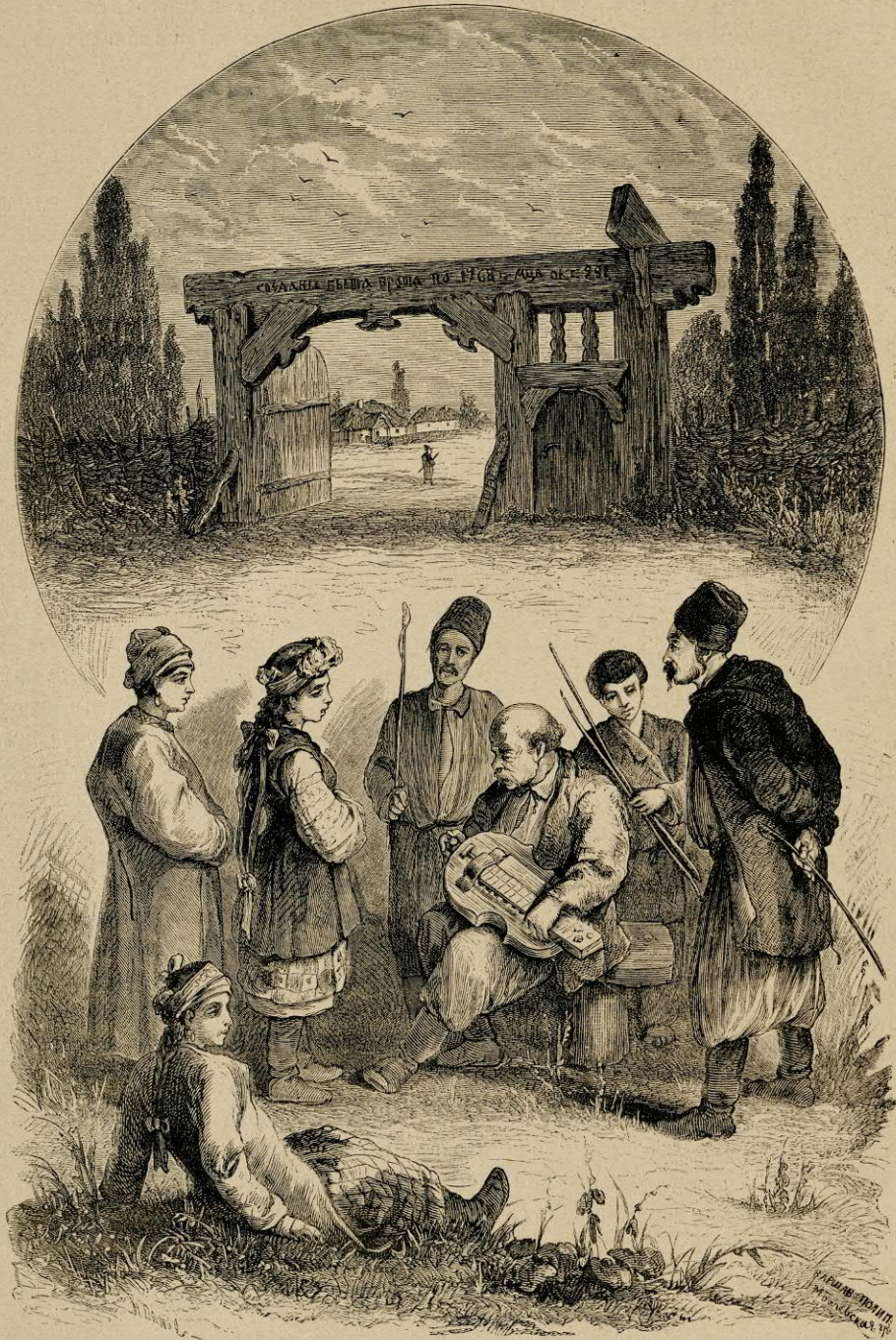
«Новая» пѣсня поражаетъ своимъ безобразіемъ. Такъ пѣсня, въ которой рисуется «гусарикъ молодой», начинается слѣдующей убійственной строфой:

Хорошая та дѣрзвня, въ которой я рождена,
Прекрасная та дѣвочка, которая любовь зна!

Въ «новой» пѣснѣ есть, пожалуй, и традиціонный историческій «вишневыи садочокъ», но онъ уже играетъ иную роль: такъ «новая» пѣсня говоритъ, что «гусарикъ молодой»

Повель Катю у садочокъ,
Вдаривъ Катю у височокъ!

Но при всемъ томъ, чисто-народная, не тронутая солдатскою цивилизаціею, пѣсня прс-
должаетъ звучать во всей Украинѣ. Передъ нею оказывается безильною даже фабричная



Пѣвецъ «думы».

пѣсня, которая въ Великороссіи уже имѣетъ свой циклъ; въ Малороссіи же г. Чубинскій ука-
зываетъ всего на двѣ пѣсни «о сахарныхъ заводахъ», которые играли роль турецкой неволи

въ исторіи крѣпостной жизни Малороссіи. И это—очень характерное явленіе, которое не можетъ быть обойдено молчаніемъ. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ дѣвушка спрашиваетъ «соловейка»: гдѣ ея милый. «Соловейко» отвѣчаетъ, что ея милый «на работѣ, на сахарномъ заводѣ», что онъ работаетъ тамъ такую тяжкую работу, что «потъ ему очи заливаютъ». И вдругъ неожиданно пѣсня кончается словами:

Якъ похавъ хозиня изъ дому,
Наробил хлопци лому,
Роспустили пару по заводу,
Пшла слава по народу.

А въ другой пѣснѣ рабочіе плачутся:

Мы зъ работушки идемо,
Сухарики гриземо,
На работушку идемо,
Дрибви слизюньки льємо.

На другой годъ не прийдемъ,
И собаки не пришлемъ,
И сусидамъ закажемъ,
И ворога потишимъ и т. д.

Составъ бытовыхъ пѣсенъ разнообразенъ до чрезвычайности. Собиратели и издатели народнаго творчества распредѣляютъ ихъ на слѣдующія группы: на пѣсни *любовныя, семейныя*, собственно *бытовыя* съ своими подгруппами, какъ-то: пѣсни *казацкія, гайдамацкія, рекрутскія, солдатскія, бурлацкія, чушакія, панишискія или крѣпостнишкія, сословныя, пѣняцкія и шуточныя*. Кромѣ того особый циклъ *обрядныхъ* пѣсенъ также представляетъ удивительное разнообразіе: тутъ есть пѣсни *рожалнишкія, крестинскія, покрестинскія, затѣмъ колыбельныя* и множество *дѣтскихъ*, какъ-то: *ладки, ласочка, сорочка* и т. д. Отдѣлъ *свадебныхъ* также необыкновенно богатъ и тоже развивается на подгруппы: на пѣсни *сватанскія, заручинскія, розглядинскія, торочинскія, пѣсни вильця и дивичъ-вечера, свѣчалныя, встриченскія, обѣднныя, выжунныя, оброчныя, дарочныя, покрываночныя, коровайныя, прощальныя, коморныя, посольныя, перезвенныя* и др. Затѣмъ богатый циклъ *колядокъ*, множество *плясовыхъ, всякихъ «казачковъ»* и т. д.

Само собою разумѣется, что необыкновенною полнотою отличаются пѣсни *любовныя*, особенно изъ нихъ *дивоцкѣи*, которыя гораздо богаче *парубоцкѣихъ*. Было бы излишне распространяться объ ихъ содержаніи—выраженіе чувства у всѣхъ народовъ болѣе или менѣе одинаково; но нельзя не замѣтить, что и на любовныхъ пѣсняхъ остается какой-то, если можно такъ выразиться, историческій отвѣтъ: то и дѣло вы находите въ дѣвической пѣсни выраженіе печали о томъ, что милый куда-то поѣхалъ, что онъ въ чужой сторонѣ, и ужъ непременно тутъ являются и «коникъ вороненькій» и «вороги лихіе». Это—отголосокъ старой «казачины», той исторической школы, черезъ которую прошла вся Малороссія и которая создала особый колоритъ любовной пѣсни. Но въ другихъ бытовыхъ пѣсняхъ уже безспорно лежитъ историческая основа, да и самая эпичность приемовъ осязательно обличаетъ кровное родство этихъ пѣсенъ съ «думами». Тутъ и «сизые орлы клекоцуть», и «бѣдныя невольники въ тяжкой неволѣ плачутъ» да гремятъ кандалами; тутъ и буря на Черномъ морѣ, и «турецкая галера—каторга», и паша турецкій, «недовѣрокъ христіанскій», который велитъ съчь невольниковъ «терновникомъ» да «червою таволгою»; есть тутъ и старая мать-«ненька», сидящая у оконца и ожидающая своего сына изъ похода, и буйный вѣтеръ, который чешетъ кудри запорожца. Это та же «дума», но только отступившая отъ строго эпической формы; но въ то же время и сюда, въ эту пѣсню, которая своими эпическими приемами напоминаетъ «невольницкую думу», врываются нестройные аккорды современной жизни. Является въ пѣснѣ

«казакъ», тотъ историческій «казакъ», который «мушкетнымъ дымомъ Царьградъ подкури-валъ»—и вдругъ неожиданно этотъ эпическій запорожець поетъ о себѣ:

Служивъ же я Богу и государю,
Та выслуживъ коника на славу...

«Казакская» пѣсня, такимъ образомъ, обличаетъ смѣшеніе въ головѣ народа нѣсколькихъ столѣтій—смѣшеніе историческаго запорожца съ современнымъ конногвардейцемъ. Часто пѣвецъ самъ не понимаетъ, что онъ поетъ, и если спросить его о значеніи пѣсни, то онъ наивно отвѣтитъ: «а Богъ его знае, що воно такее—такъ, бачъ, співають—изъ писни слова не выкинешь». И на этомъ основаніи онъ безсознательно валитъ въ одну кучу цѣлыя столѣтія. Тутъ «казаки» бьются съ «ордою» «не три—не чотыри години», а тутъ уже «гайдарики» какіе-то сѣдають коней вороныхъ и ѣдутъ—что всего удивительнѣе—въ Москву! вмѣсто «отамана» является «хозяинъ», который пускаетъ своего вороного коня въ «шовковую траву» и «кидаетъ шапку объ сырую землю»:—все это—и «шелковая трава», и «шапка», и «сыра земля»—все это уже московское напластыванье, если можно такъ выразиться, на украинской исторической почвѣ. Мало того, бросивъ «шапку» объ «сыру землю», этотъ невѣдомый «хозяинъ» «гайдариковъ» восклицаетъ: «Земля мати, земля мати—запорожецькая! Ты приняла много вѣйска запорожецькаго; приими жъ и мене молодого!» И Москва, и Запорожье, и сыра земля—все это свалено въ кучу и перепутано. А далѣе пѣсня опять сворачиваетъ на эпическую тропу: «Щебетали ластивочки, та-й у гору летючи; заплакали гайдарики, хозяина несучи» и т. д. Во всемъ этомъ видно крайнее смѣшеніе разныхъ историческихъ пластовъ, разныхъ эпохъ, вліяній и эпическихъ формъ. Эти напластыванья въ народной поэзіи напоминаютъ такія же напластыванья на земной поверхности, когда антропологъ, разрывая какой-нибудь придиѣпровскій курганъ—«могилу» въ верхнихъ пластахъ находитъ остатки жизни XVI или XVII вѣка, а ниже—разныя принадлежности жизни людей каменнаго вѣка или черепа и орудія троглодитовъ.

Въ *гайдамацкихъ* пѣсняхъ можно видѣть и слѣды самостоятельнаго народнаго творчества, и слѣды образцовъ стараго, историческаго эпоса, и отзвуки современной жизни, такъ что странно даже видѣть, какъ пѣвецъ смѣшиваетъ и равняетъ въ одну линію и «гайдамаковъ», и Савурь-могилу,—эту знаменитую, бессмертную Савурь-могилу, безъ которой не обходится ни одна почти «невольницкая дума», могилу, на которой умиралъ бѣжавшій изъ Азова невольникъ, «пѣшій-пѣшаница»,—а рядомъ съ этимъ поется и о знаменитомъ Савѣ изъ Немирова, о томъ Савѣ, который измѣнилъ «гайдамакамъ» и потомъ отъ нихъ же и погибъ. Далѣе опять, рядомъ съ Савой выступаетъ въ гайдамацкой пѣснѣ и Романъ Жамбенко, котораго яко-бы поймали «превращаи жидки» (ясно, что эти «жидки» поставлены тутъ тенденціозно, вмѣсто «гайдамаковъ», а потомъ «гайдамаки» смѣшаны съ «запорожцами») и который говорить:

Лети, лети, лебедонько сивый, високо зъ ордами;
Не гваяйтесь, славы запорожци, въ Польшу за легами.
Ой поведи Романа Жамбенка на Савирь-могилу:
— Тутъ я стану, подивлюся на славу Вкраину...

И «превращаи жидки», и «славни запорожци», и «Польша», и «леги», и Савурь-могила, и гайдамаки—все столкло время въ одной ступѣ, все перепутало до потери историческаго смысла.

Такъ безжалостное время вытравляетъ изъ жизни народа и его поэзіи всѣ историческія воспоминанія, какъ оно вытравило ихъ раньше и у народовъ Западной Европы.

Въ *рекрутскихъ* пѣсняхъ замѣчается болѣе цѣльности и выдержки. Здѣсь нѣтъ смѣшенія разныхъ историческихъ эпохъ; а если и встрѣчается смѣшеніе эпическихъ формъ, нѣкоторыя

позаимствованія изъ стараго эпоса, то только во внѣшности, въ языкѣ. За то творческая наивность здѣсь подь-часъ не знаетъ границъ. Пѣсня, напр., взываетъ къ «хлопцямъ-новобранцямъ», чтобъ они вернулись домой изъ похода, и «хлопцы» отвѣчаютъ:

— «Ради-жь мы ея въ гору знести—
Туманъ полягае,
Ради-жь мы ея вернути—
Насъ царь не пускае.»
— Ой чому жъ винъ не пускае?
„Бо винъ роскишь мае,

Сидитъ собі на пристоли,
На скрипочку грае;
А скрипочка орихова,
А смычокъ изъ руты,
Якъ заграе „московщины“—
На всю Польшу чути“ и т. д.

Нѣкоторыя рекрутскія пѣсни своимъ содержаніемъ изобличаютъ, что они созданы народомъ еще въ прошломъ вѣкѣ. Такъ, напр., въ одной пѣснѣ говорится, что «слава по всему свѣту встала—*государыня* новобранцевъ брала; а какъ позабирала, тотчасъ заковала» и т. д. Иныя пѣсни указываютъ, что за свое рекрутство народъ плачется на «поповъ» да на «бога-



Обыкновенный лирикъ.

тыхъ людей», которые велютъ забирать въ солдаты «бурлакъ-сиромахъ»; въ другихъ вмѣсто поповъ стоятъ «ляшки-панки», къ которымъ пѣсня обращается съ такими словами: «Чи мы ляшкамъ, чи мы панкамъ не сіяли та й не орали? За що жъ ляшки, за що жъ панки насъ у салдаты подавали?»

На многихъ рекрутскихъ пѣсняхъ лежитъ отпечатокъ московскаго вліянія, которое чутется и въ «бѣлой березѣ», совсѣмъ незнакомой чисто-украинскому историческому эпосу, и въ «бѣлой постели», которую «дивчина стлала—дружка дождала.» Это—буквальный уже переводъ съ московскаго оригинала, тѣмъ болѣе, что дальше говорится, какъ «наихали москалики все новыми саньми: сидай, дивка, сидай, красна, поидемо зъ нами». «Новыя сани», «красная дѣвка»—это уже слишкомъ пахнетъ Москвою.

Затѣмъ *солдатская* пѣсня еще болѣе обнаруживаетъ, въ какой мѣрѣ невозможно изсякаетъ народное творчество. Въ солдатской пѣснѣ уже нѣтъ почти ничего эпическаго, даже въ приемахъ, въ формѣ: тутъ видно коренное обрусеніе края, обрусеніе въ самыхъ основахъ жизни. Вотъ, напр., одна пѣсня впала было въ эпическій тонъ—

Идутъ ляхи на три шляхи.
А москали на чотыри,—

но тутъ же и свернула на чисто-русскую, на казарменную:

А уланы зъ гусарами все поле укрыли,
Въ славнымъ городи Варшави караулы зняли,
Саме войско французское на штыки подняли.

Или, напр., эта пѣсня: «Годи, братця, намъ журитись — перестаньмо тоскувать — начинимъ писеньки спивать—заспиваемъ песни штацькой — по своимъ гори солдатскимъ. — За границею стояли — много горя принимали — у двиннадцатимъ часочку — выходили на гóрочку — становились въ шереночку. — Помижъ намц, молодцями — самъ царевичъ проїзжавъ: — «бїйте, братця, не робїйте — и пороху не жалїйте»...

Большою чистотою народнаго колорита отличаются пѣсни *бурлацкія*. Въ нихъ почти постоянно звучитъ одна грустная нота — жалоба на свое сиротство, на безпрїютность, зависимость. «Бурлакъ» — это не тотъ великорусскій «бурлакъ», заслужившій себѣ историческое бессмертіе и своимъ великимъ трудомъ, и своею многострадальною жизнью, который цѣлыя тысячелѣтія тянулъ ямку на Волгѣ, на Днѣпрѣ, на Дону и на всѣхъ безчисленныхъ рѣкахъ Россіи и котораго прославили — съ одной стороны — Некрасовъ своими бессмертными стихами:

Волга, Волга, весной многоводною
Ты не такъ затопляешь поля,
Какъ великою скорбью народною
Череповчена наша земля, —

съ другой стороны, Рѣпинъ — свою превосходную картиную. Украинскій «бурлакъ» — это одинокое, беспомощное существо, общій «попихачъ», которымъ всякій помываетъ, конечно до поры, до времени, пока «бурлакъ» не почувствуетъ, что у него есть крылья. Такого «бурлака» гениально изобразилъ Шевченко въ своемъ Яремѣ, въ «Гайдамакахъ».

Въ пѣснѣ «бурлакъ» является существомъ жалкимъ, загнаннымъ, босымъ и голоднымъ. Вотъ наиболѣе яркое изображеніе бурлака въ одной общеизвѣстной пѣснѣ:

Нема въ свити гиришъ никому,
Якъ бурлаци молодому.

Бурлакъ трудится, работаетъ, а потъ очи заливаеъ; придетъ домой — его хозяйка лаеъ: «гдѣ ты дурень пропадалъ, что къ ужину опоздалъ?» Бурлакъ отвѣчаеъ, что былъ на работѣ, старался, чтобъ заслужить ужинъ. А хозяйка опять лаеъ: «ложись, дурень, спать, головой къ порогу, а раньше вставай—иди за волами». Едва голодный бурлакъ задремалъ, какъ его уже будятъ: «вставай, бурлакъ, —будеъ спать—иди за волами.» Встаеъ бурлакъ — не умытый, не обутый, не одѣтый, бѣжитъ въ поле за волами; а тамъ—сибѣгъ; босыя ноги его зябнуть... Бурлакъ плачеъ, мать свою проклинаеъ, спрашиваеъ—зачѣмъ породила его. Мать отвѣчаеъ:

Ой, вродила-мъ ти на муку,
Господару на угаугу.



Молодой чумакъ.

Въ другой пѣснѣ украинскій «бурлакъ» уходитъ на Волгу, потому что на родинѣ ему «черная корова наступила на ногу.» На Волгѣ онъ заработалъ деньжонокъ, но соскучился по родинѣ, и возвращается къ своему пану. Панъ спрашиваетъ его—гдѣ онъ пропадалъ. Бурлакъ отвѣчаетъ, что ходилъ на Волгу, заработалъ «грошей», принесъ домой «три шали» и привелъ пару воловъ; а теперь, говоритъ, «буду хазяйнувати—буду до кинця вика батька годувати.» Но панъ не беретъ этого («въ резонтъ»), велитъ готовить прутьевъ пуки—«мене проучати, зъ мене шкуру зняти», чтобъ не смѣлъ своего отца «хлибомъ годувати.» Это—народное поминанье отжившему крѣпостному праву.

Одинъ изъ богатѣйшихъ цикловъ въ украинской народной поэзіи представляютъ пѣсни *чумацкія*. «Чумачество», можно сказать, лежало въ основѣ всей исторической жизни Малороссіи и прошло чрезъ всю ея исторію. И «козакъ», и «чумакъ», и «запорожець»—это были почти синонимы для украинца, и первый «запорожець» былъ «чумакъ», миссія котораго была ловить рыбу въ низовьяхъ Днѣпра и оберегать свою дорогую Украину отъ бусурманъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» была помѣщена талантливо и симпатично составленная г-мъ Рудченко особая монографія о чумакѣ и о чумацкой поэзіи. Жизнь чумака, его отношеніе къ исторіи своего края и къ его экономическому росту, полная картина чумацкаго обихода, чумацкое міросозерцаніе, наконецъ отношеніе чумака къ тому послѣднему явленію въ современной жизни Малороссіи, которое должно было убить чумачество—именно къ *железной дорогѣ*,—все это прекрасно изложено талантливымъ авторомъ и возбуждаетъ въ читателѣ нѣчто въ родѣ чувства сожалѣнія о томъ, что все вымираетъ на свѣтѣ, даже чумачество, или видоизмѣняется сообразно новымъ условіямъ жизни; при этомъ невольно напоминаетъ гениальный стихъ покойнаго Шевченка:

Все йде, все минає и краю не має...

Чумацкія пѣсни можно отнести къ старому циклу украинской поэзіи, когда въ нее еще не могла проникнуть «московская» нота. Эти пѣсни полны поэзіи и глубокаго чувства, потому что для малоросса «чумакованье»—это его родная стихія. Едва въ воздухѣ почувалась весна, какъ украинець уже мечтаетъ о «чумачествѣ» и заранѣе собирается въ дальнюю дорогу, какъ и говоритъ объ этомъ пѣсня:

Весна красна наступає,
Изъ стрихъ вода капле,
Уже нашимъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.

Какъ ни любить украинець свое «чумакованье», однако въ большей части чумацкихъ пѣсней звучитъ тоскливая нота—то разлука съ родными и съ милой, то болѣзнь, а часто и смерть въ дорогѣ, въ глухой степи. Даже любимые волы украинца, его вѣрные товарищи въ чумакованьѣ—и тѣ гармонизируютъ съ настроеніемъ его души. Въ пѣсняхъ часто говорится: «волы ревуть, воды не пьютъ—дороженьку чуютъ». Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ чрезвычайно картинно рисуется самое движеніе чумацкаго обоза—какъ изъ-за горы скрипятъ чумацкіе возы, какъ впереди возовъ идутъ «чумаченьки», покуривая «люльки», гремятъ ярма, волы «ремигають» (пережовываютъ жвачку) и т. д. А смерть чумака на чужбинѣ изображается въ необыкновенно симпатичныхъ приѣмахъ. Чумакъ «молоденькій» поѣхалъ въ Крымъ за солью. Сивые волы его какъ-бы предчувствуютъ несчастье—ревуть и воды не пьютъ. Далека эта дорога до Крыма. Не выдержалъ долгаго пути чумакъ и захворалъ—тяжко «заслабъ», такъ что, пожалуй, умереть собрался. Но вотъ онъ и умеръ. Умеръ чумакъ «у Крыму на рынку», и вотъ «сезуть его, парня молодого, якъ вялую рыбку». А мертвый и говоритъ къ чумацкому «отаману»: «Ой отамане, мой батьку родной! исполни ты мою волю—отвези ты меня сивыми волами до самого моего гроба. Пускай они заревуть, пускай загудуть около моего

гробовища—не услышитъ ли ихъ голосъ моя милая, какъ будетъ идти по-воду». Милая услышала, тѣжко вздохнула и горько заплакала: «Охъ—моего милаго, вѣрно, на свѣтѣ не стало. О, когда бъ я была сизая кукушка, когда бъ у меня крылья были—облетала бъ я кругомъ тую превражу Украину и по воламъ узнала бы своего миленькаго. Охъ, волы мои сивые, половые—у васъ карія очи: узнала бы я своего миленькаго хоть и середь ночи.»

Со всѣмъ другое впечатлѣніе производятъ на васъ пѣсни *паничскія*, т. е. пѣсни изъ времянъ крѣпостной зависимости. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ звучитъ горькое воспоминаніе о золотомъ прошломъ, о тѣхъ временахъ казацкой воли, когда Украина не знала еще крѣпостнаго ярма. «Добре хорошо было—говоритъ пѣсня—нашимъ отцамъ на Украинѣ жить: они не знали, что такое барщина. А теперь настала барщина: ни сынъ за отца ее не отбудеть, ни отецъ за сына», и т. д. Другая пѣсня такъ изображаетъ тяжесть барщины, когда на пана



Чумаки въ дорогѣ.

приходилось работать всѣ семь дней въ недѣлѣ: «Ходитъ попикъ по церковцѣ, святую книжечку читаетъ и спрашиваетъ людей божьихъ: отчего васъ никогда въ церкви не видать?—Да развѣ же есть у насъ, батюшка, время въ церковь ходить? отвѣчаютъ ему: какъ чорный волъ, мы и въ праздники, и въ воскресенье должны работать на барщинѣ».

Пѣсни эти, само собою разумѣется, вымираютъ и забываются, какъ забывается теперь и самое крѣпостное право.

Замѣчательно, что въ малорусской народной поэзіи весьма обширенъ циклъ *пьяницкихъ* пѣсень. Едва ли явленіе это слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что малорусскій народъ отличается невоздержностью. Нѣтъ, напротивъ,—это доказываетъ только, что у украинца художественная натура и онъ любитъ и понимаетъ шутку, «жарты», онъ умѣетъ хорошо и безобидно посмѣяться надъ человѣческими слабостями, и болѣе всего смѣется надъ собой. Вотъ гдѣ, намъ кажется, источникъ богатства какъ *пьяницкихъ*, такъ и *шуточныхъ*, «жартливыхъ», сатирическихъ пѣсень. Посмотрите, напр., какъ пѣсня удачно подсмѣивается надъ пьяницей,

да еще и «рудымъ», рыжимъ (рыжихъ почему-то особенно не любить украинцевъ). Позволяемъ себѣ привести эту пѣсню цѣликомъ, а иначе она потеряетъ весь свой букетъ:

По-идь гору крутую
Веле рудый рудюю:
—Охъ, и пьяна жъ я,
Чоловика лаяла:
Ой и стій-но-жъ ты,
Почекай-но-жъ ты,
Ой розважъ-но-жъ ты:
Дидь рудый, баба руда,
Тато рудый, мама руда,

И я рудый руду взявъ,
Бо-жъ си руду сподобавъ,
И пийъ рудый, шо вичавъ,
И дякъ рудый, шо спивавъ,
И музыки руди грали,
И вси руди танцювали;
Ще й дитиака маленька
Вродилася руденька.

Не останавливаясь долѣе на этихъ отдѣлахъ малорусской народной поэзіи, мы перейдемъ теперь къ очень важному и богатому циклу малорусскихъ пѣсенъ—къ пѣснямъ *обрядовымъ*.

Если что-либо наименѣе подвержено измѣненію въ жизненномъ обиходѣ народа, такъ это обрядовая сторона народной жизни. Въ этомъ отношеніи ни годы, ни цѣлые вѣка, ни коренныя измѣненія въ формахъ жизни, ни общественныя и экономическія видоизмѣненія — ничто не въ силахъ стереть обрядовую, такъ-сказать, мозаику народной жизни и изгнать изъ нея то, что получилъ народъ въ наслѣдство отъ древнѣйшихъ своихъ предковъ, отъ прародителей, можетъ быть, отъ троглодитовъ, отъ пищерныхъ жителей каменнаго вѣка. Въ обрядахъ народъ какъ-бы застылъ и представляетъ собою нѣчто въ родѣ допотопной окаменѣлости. Какія обрядовыя требы совершалъ онъ при Перунѣ, Дажбогѣ и Стрибоговыхъ внукахъ, какъ онъ прежде поклонялся «роду и рожаницѣ», вѣровалъ въ «чохъ» и «птичій грай»,—такъ продолжаетъ онъ дѣлать это и теперь то тамъ, то здѣсь, не въ «колядкахъ», такъ въ «купальскихъ играхъ», не при родинахъ, такъ при нохоронахъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи вся жизнь народа, отъ пеленокъ до могилы—нескончаемая обрядность. Вступая въ эту область, вы чувствуете, что входите въ иной міръ—въ міръ древнихъ, допотопныхъ и дохристіанскихъ, въ міръ троглодитныхъ представлений, смѣшанныхъ съ христіанскими и чаще пантеистическими.

Начнемъ съ обрядности, которою въ Малороссіи обставляется *рожденіе* челоуѣка—*родины*.

Беременная женщина пользуется въ народѣ всеобщимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ религіознымъ страхомъ. Всякое желаніе беременной должно быть исполнено, а иначе у того, кто ослушается роженицы, все платье съѣдятъ мыши.

Почувствовавъ приближеніе родовъ, роженица посылаетъ за *бабою* мужа или кто есть въ хатѣ, но непременно съ хлѣбомъ; съ хлѣбомъ является къ роженицѣ и баба.

При входѣ баба бьетъ тридцать поклоновъ и говоритъ: «шелъ Христосъ на золотой мостъ, серебряною палочкою подпирается. Идетъ молодица *до роду*.—«Куда ты, молодице, идешь?»—Иду, Господи, до роду.—Крутыя горы разступитесь, отъ Господня голоса разойдитесь. Коли младенець—садись на коня, коли младеница (дѣвочка)—берись за гребень».

Когда роды трудны, то посреди хаты ставятъ столъ и обводятъ роженицу кругомъ него три раза. На каждомъ углу стола насыпаютъ по ложкѣ соли, и роженица, обходя вокругъ стола, должна ѣсть соль отъ каждой кучки, а баба приговаривать: «Отъ красной крови, отъ желтой кости, отъ тонкаго волоса, отъ хорошаго голоса пускай отходятъ всѣ злыя мысли и напасти, чтобъ не вредили ни головѣ, ни чреву, ни животу; чтобъ святой Петро съ Павломъ, какъ по свѣту ходили и все лихое видѣли — чтобъ они отвратили всѣ боли, всѣ колики, всѣ недуги на ту пору, какъ я пришла и хочу принести облегченіе на удивленіе всему міру и на угѣху родителемъ».

Кромѣ того роженица бьетъ три раза пятками о порогъ хаты, а мужъ, набравъ въ ротъ воды, поить жену изъ своего рта, а затѣмъ роженицу переводятъ три раза черезъ кочергу и лопату, и т. д.

Какъ только ребенокъ показался на свѣтъ, бабка бьетъ его рукою для того, чтобы онъ заплакалъ; а если онъ не плачетъ, то ему колютъ иголкой мизинецъ и мажутъ тѣло кровью. Потомъ бабка отрѣзываетъ у него три пучечка волосъ—чтобъ въ старости не былъ лысымъ. Родившійся «въ сорочкѣ» будетъ счастливъ; но если сорочка виситъ съ боку—то возьмутъ въ «москали» (въ солдаты).

Послѣ родовъ родильницу заслоняютъ, чтобъ ея никто не видѣлъ. Возлѣ нея кладутъ разное зелье, васильки, цибурики, а также «стрицю» (три свѣчи, слѣпленные вмѣстѣ) и роговой

ножъ. Почему роговой? Конечно потому, что обрядъ этотъ, по всей вѣроятности, сохранился отъ тѣхъ временъ, когда люди еще не знали употребленія жельза, а довольствовались орудіями изъ камня, роговъ и костей животныхъ.



Крестивыи.

трѣзваніе тупа производится у мальчика на топорѣ, чтобъ былъ мастеромъ, а у дѣвочки—на гребнѣ, чтобы была пряхой. Потомъ ребенка завертываютъ въ «кожухъ» и кладутъ «на покути»—въ переднемъ углу—чтобъ былъ богатымъ. Затѣмъ баба беретъ «мисце» (мѣсто), закапываетъ въ хатѣ подъ «поломъ», подъ постелью, и посыпаетъ житомъ, а также кладетъ кусочекъ хлѣба или мелкую монетку. А иногда баба при этомъ беретъ родильницу за животъ и приговариваетъ: «Вразе, вразице! Панасе, панасице! я тебя поднимаю и на помощь призываю», и т. д. Все это, конечно, остатки пантеистической старины—заклинаніе какихъ-то силъ невѣдомыхъ.

Постель родильницы выбрасываютъ въ свинятникъ, а ребенка—если мальчикъ, то зарываютъ въ переднемъ углу, чтобъ былъ «хозяиномъ въ хатѣ», если дѣвочка—то около печи, чтобъ была «хозяйкою у очага». При купаньи ребенка обматываютъ коноплею съ сѣменемъ, «матками», чтобъ былъ плодовитъ, и воду выливаютъ въ свинятникъ, чтобъ свиньи плодились. Ребенка кладутъ въ черной «запаскѣ», чтобъ нечистый духъ не присталъ. Подъ голову ему кладутъ ножъ, чтобъ вѣдьма не испортила. Некрещенаго ребенка никогда не кладутъ за плечами матери, чтобъ дьяволъ не подмѣнилъ его своимъ, и для этого до крещенья у родильницы горитъ свѣчка, которой чортъ боится. Подмѣннаго дьяволомъ ребенка легко узнать: онъ головастый, съ большими волосами, сутуловатый, долго не говоритъ, ходитъ только тогда, когда никого нѣтъ въ хатѣ, забирается въ печь, сѣдаетъ тамъ все—вареники, кашу—и перебиваетъ горшки.—Развѣ же все это не изъ языческаго міровоззрѣнія?

При *крестинахъ*—опять цѣлая вереница обрядности. Некрещенаго ребенка баба купаетъ въ водѣ, которой еще никто не пилъ. Затѣмъ мальчика пеленаютъ въ рубашку отца, дѣвочку—въ рубаху матери, и при этомъ рубашку разрѣзываютъ въ трехъ мѣстахъ. Въ рукавъ рубахи завязывается кусочекъ глины отъ печки, уголекъ и мелкая монета. Кумѣ мальчика передаютъ черезъ порогъ, дѣвочку—черезъ гребень. Куму же баба даетъ въ узелкѣ глину отъ печки («печину») и уголекъ, говоря: «какъ дойдешь до перекрестка, кинь черезъ плечо и скажи: на тебѣ, чорте, плату». Вотъ кому это приношеніе...

При входѣ въ церковь кумъ наступаетъ правой ногой или на топоръ или на гребень.

Если прежнія дѣти умирали, то окрещенаго ребенка, принеся домой, передаютъ куму не черезъ дверь, а черезъ окно. Опять, конечно, все это дѣлается противъ какой-то невѣдомой силы...

Послѣ крестиннаго угощенія поютъ пѣсни, вродѣ, напр.:

Ой мы вчера на родникахъ були,
А сѣгодня на крестины прійшли и т. д.

Затѣмъ бабка раздаѣтъ гостямъ «квитки»—букеты изъ колосевъ ржи или пшеницы, если крестины происходятъ зимой, и изъ барвинка, васильковъ и калины, если лѣтомъ. «Квитки»—это талисманъ противъ чорта при возвращеніи съ крестинъ. А то разъ былъ такой случай. Идетъ человекъ съ крестинъ безъ «квитки». На дорогѣ встрѣчается ему бѣсъ и спрашиваетъ: «гдѣ твоя квитка?»—«Нема».—Чортъ и завелъ человекъ въ болото и продержалъ его всю ночь тамъ. А человекъ-то былъ пьяный—оно и понятно: чортъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

На другой день послѣ крестинъ совершаются *зливки*. Дѣло это происходитъ такъ: утромъ баба приносить къ роженицѣ «непочатой воды», кладетъ въ корыто калины, гвоздики, овса,



Уходъ за ребенкомъ.

руты, барвинку и всякаго «зилля»; ставитъ корыто посерединѣ хаты, а родильница льетъ «непочатую воду» бабѣ на руки надъ корытомъ и приговариваетъ очистительныя рѣчи. Баба тоже ораторствуетъ.

Но *покрестины*—это болѣе веселый обрядъ. Къ родильницѣ сходятся ея родные, сажаютъ кумовой и бабку на борону и везутъ въ корчму. При этомъ выкрикиваются превеселія, спеціально обрядовыя пѣсни:

Запрягайте, запрягайте
Да шестнадцать паръ волонь,
Да повеземъ бабусянку у пиво и т. д.

Приѣхавъ «у пиво», начинаютъ пить и веселиться. И снова развеселая пѣсня служитъ приправою этому обрядовому торжеству. Кумъ поетъ, обращаясь къ кумѣ:

«Та внадився журавель
До бабьныхъ конопель», и пр.

Это «прочее» состоитъ въ томъ, что кумъ, угрожая перебить журавлю ноги, хвалитъ красоту своей кумы и кончаетъ тѣмъ, что онъ будто бы завелъ свою куму въ вишни—«отдохнуть трошеньки» (немного).

Вскорѣ послѣ крещенія новорожденнаго «загоняютъ въ рай». Для этого у образовъ зажигаютъ свѣчку, баба беретъ за руку родильницу, которая держитъ на рукахъ ребенка, и водитъ ее вокругъ стола. Присутствующіе стоятъ въ сторонѣ и спрашиваютъ: «Куды ты, бабуся, идешь?»—У рай.—«Возьми и насъ».—Идти.

Въ сороковой день на ребенка надѣваютъ поясъ съ перваго, кто войдетъ въ хату.

Съ первымъ ростомъ и кормленіемъ ребенка связанъ цѣлый отдѣлъ пѣсенъ *колыбельныхъ*. Содержаніе ихъ такъ же однообразно, какъ однообразна ихъ мелодія. Весь міръ ребенка въ первые годы жизни ограничивается ближайшими предметами: мать, кормящая и убаюкивающая

младенца, колыбелька или «колысочка», въ которой его укачиваютъ, и неразлучные съ этимъ— котикъ, мышка и «гуля» (голубокъ). Во многихъ колыбельныхъ пѣсняхъ олицетворяется самый «сонъ», какъ живое существо, ходящее по улицамъ въ бѣленькой, новенькой рубашечкѣ: «Ходитъ сонъ по улобъци, въ билесенькій кошулонъци, слоняется, тыняется, Господоньки пытається; а де хата теплесенька и дитина малесенька? туды иду ночувати и дитину колихати» и т. д. Но чаще всего пѣсня обращается къ «котику»: котъ, «киця», «коточокъ» является во всѣхъ роляхъ: котъ и дитя качаетъ, и на рынокъ ходитъ, и мышей ловитъ—и все это въ угоду ребенку.

Подъ одни пѣсни качаютъ и усыпляютъ ребенка, подъ другія его «тютюшкаютъ». У послѣднихъ и размѣръ другой и мелодія иная.

Отдѣлъ *дѣтскихъ* пѣсенъ также богатъ. Всѣ игры ихъ сопровождаются пѣніемъ, и замѣчательно, что въ забавахъ дѣтей можно иногда подмѣтить слѣды далекихъ историческихъ воспоминаній. Такъ, забавляясь разрываньемъ муравьиныхъ гнѣздъ, дѣти поютъ надъ муравейникомъ: «Комашки, комашки, ховайте подушки, онъ татары йдутъ, подушки поберутъ и васъ порижутъ».—Не перечислемъ ни дѣтскихъ игръ, ни пѣсенъ—это завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Но вотъ въ жизни дѣтей отходятъ игры и скоро настаютъ годы, когда нужно думать—мальчику о женитбѣ, дѣвочкѣ—о замужествѣ.

Вотъ какъ въ большинствѣ случаевъ ведутся свадебные переговоры и самое сватаніе. Предварительно родные жениха, положимъ—мать и сестра, взявъ съ собою хлѣбъ и соль, отправляются къ родителямъ невесты. Входятъ, молятся. Начинается свѣтскій—въ деревенскомъ смыслѣ—разговоръ. Мать жениха тотчасъ же и говоритъ:

— А что, люди добрые, спросите насъ—зачѣмъ мы пришли къ вамъ?

— Говорите—послушаемъ,—отвѣчаетъ мать невесты.

— Что еслибъ намъ Богъ помогъ то получить, чего мы пришли у васъ просить.

— Коли съ Богомъ пришли, то Богъ и поможетъ,—отвѣчаютъ родители невесты.

— Колибъ Богъ помогъ нашему Ивану да заручить вашу Татьяну.

— Дай Богъ. А поди, доню (это къ дочери)—позови отца.

Дѣвушка приводитъ отца, а сама становится у печки и стыдливо «колукаетъ печь» (ковырять пальцемъ глину у печки—это признакъ застѣнчивости и умѣнья держать себя передъ гостями). Здравуются.

— А что—говоритъ сваха отцу—мы ужъ сваху спрашивали, а теперь свата ждемъ.

— Ну, старій—говоритъ мать:—пришли наше дитя просить. Какъ думаешь—отдать имъ?

— А что-жъ—отдать или не отдать—я и самъ не знаю. Спросимъ у людей да и дѣвку тоже распытаемъ; а такъ, не спросивши добрыхъ людей... еще скажутъ: «на порогѣ-де платки подавали»; да еще и смѣяться будутъ люди... Развѣ она у насъ пересѣла?

— Да что тутъ толковать,—возражаетъ сваха:—они, молодежь-то, ужъ стакнулись. Вонъ Иванъ нашъ всю правду открылъ: «сидите, говорить, мама; а я ужъ договорился—только вы идите скорехонько, чтобъ люди не помѣшали».

А дѣвушка ужъ шмыгнула въ сѣни: стыдно слушать—«стакнулись», говорятъ.—Мать зоветъ ее.

— Да гдѣ ты, Титяно! иди сюда! иди въ хату.—Дочь входитъ, конечно, вся пунцовая, и не поднимаетъ глазъ.—Такъ вотъ, доненько,—какъ твоя охота, а мы запрещать не будемъ—пусть Богъ помогаетъ.



Молодая мать.

— Спасибо, мамо, — говоритъ дѣвушка, кланаясь.

— Говори—любишь его и пойдешь за него?

Отвѣтъ на это не легко получается—стыдно сразу согласиться: еще люди скажутъ, что такъ сразу и обрадовалась.

— Любишь и пойдешь?—допытываются таки.

— Люблю,—(точно клещами вырываютъ у нея слово, которое ей смерть какъ хочется давно сказать).

— Эге, дочка! — одобряетъ и ободряетъ ее сваха: я, слава Богу, людина тихая да и недужная — тебя буду жалѣть.

— Добре,—говоритъ отецъ.—Выпьемъ-же, сваха, по чаркѣ—тогда и рѣчи найдутся. А ты, доню, поди и принеси горилки.

Дѣвушка идетъ и, возвращаясь съ водкой, кричитъ въ дверь.

— Мамо! возьмите горилку, а я не войду въ хату: а то будете пить да обо мнѣ говорить; а мнѣ стыдно слушать.

Начинается угощенье. Развязывается языкъ.

— А я вамъ, сванечко, расскажу свое горе,—начинаетъ мать невѣсты.—Дай Богъ этой дочекѣ лучшей доли, а какъ я старшую отдавала, такъ, сдается, она еще молода была, не слѣдовало бы и отдавать такъ рано; я приневолила—подбили меня вражки люди. «Отвори—говорять—ворота, коли отворяются: такъ и дочку, говорятъ, какъ ягодошку, отдавай, коли поспѣваетъ... Ягодку рви, говорятъ, коли только начинается поспѣвать, а какъ поспѣла, то и сама упадетъ». Я и отдала, и утопила ея головушку: что день—все плачется, какъ вонъ тамъ въ приказкѣ говорятъ:

Гляя, гляя, сири гуси, на писокъ!

Утопила голововку—думала на часокъ.

— Анъ не на часокъ, а на-вѣки. Вонъ теперь придетъ дочка и плачетъ — плачетъ и жалуется: «Вѣрно, говоритъ, матусю, я у васъ дѣла не дѣлала, что вы мою головушку навѣки утопили». Людей слушала, а своего разума не хватило, потому, сроду еще не отдавали, ну, и принасиловали бѣдную.



Дѣдъ и внучата.

А теперь вотъ дожидаетъ до послѣдней и говорю: «охота твоя, дитятко, иди, выбирай сама: не мнѣ съ нимъ жить».

— Нѣту, свашечко, не бойтесь, у насъ этого не будетъ. У меня семья небольшая: я да дочка, да сынокъ Ивась, а батька и совѣсьмъ нѣтъ. А она какъ будетъ меня слушаться, такъ и вдесятеро буду больше любить.

— А уже, свашко, и не рано,—замѣчаетъ дочь свахи:—пора и домой. Да говорите—сегодня старость (сватовъ) присылать, или отложить на завтра?

— Да какъ знаете,—отвѣчаетъ мать невѣсты.

— Да ужъ что, свашко: люди будутъ слышать, что дочь ваша еще не просватана, такъ будутъ лѣзть къ вамъ, набивать голову. По моему, лучше сегодня и «хустки» давать.

— Ну, какъ знаете: коли ужъ начали, такъ и кончимъ—чтобы ужъ одно и вамъ и намъ думалось.

— Такъ давайте жъ по чаркѣ еще—«да й на кони».

Таковъ обрядъ—«на коней»—хоть и пѣшкомъ пришли.

Дома женихъ спрашиваетъ: «А что, мамо, какъ вамъ сказали?»

— Да какъ сказали?—Спасибо вамъ, дѣтки, что сами напередъ сговорились, а мы ужъ по готовому только горилки нанились. Позвала сваха дочку и говоритъ: «какъ знаешь, дочечко».—А она—спасибо ей—такая вышла смѣленькая да веселенькая, хоть и молоденька еще, да и говоритъ: «Я люблю его, мамо, и пойду за него».—Такъ теперь, сынку, иди старость зови.

На этомъ кончаются *розвидки* или *допыты*. Теперь начинается выборъ старость.

Женихъ является къ старостѣ. Въ хатѣ будущій староста—«дядько», его жена—«дядина» и «дядькова дочка».

— Добрый вечеръ вамъ, дядьку. Да, Боже, помощи вамъ.

— Спасибо! проходи да садись у насъ.

— Да сидня ничего не дастъ. А я пришелъ просить васъ.

— Ужъ не въ старосты-ли?—догадывается «дядина» (въ этомъ случаѣ женщины догадливѣ мужчинъ).

— Да такъ, дядино, что и угадали.

— Вотъ и намъ въ «свѣтилкахъ» быть («свѣтилка»)—нѣчто въ родѣ почетной дѣвушки на свадьбѣ), радуется «дядькова дочка».

— А вы, дидечку,—говоритъ женихъ старостѣ—ужъ не оставьте меня—будьте и за батька: я сирота.

— Да ужъ быть такъ—не далъ Богъ твоему дождать. Одинъ ты былъ у него, да и того не дождался. И у насъ дѣти растутъ—Богъ знаетъ... надо помочь тебѣ. А еще-жъ кого будемъ просить?

— Омелька—я просилъ ужъ—такъ говорить: «пойду». Такъ пожалуйста, дядечку, теперь бы и ѣхать, пораньше, чтобъ не ждали.

Съ старостами женихъ является къ себѣ домой. Мать встрѣчаетъ. Староста говоритъ:

— Ну, благословимъ теперь. Пускай не бурлакуетъ, да хозяиномъ будетъ, а то тамъ, на нашей улицѣ говорили, что ужъ и колья всѣ на нихъ поломали, бьются съ ними.

— Да ну ужъ, дядьку, не вспоминайте этого—упрашиваетъ женихъ,—а то матушка еще разсердится—скажетъ, что работать не въ силахъ будешь къ старости.

— Да ужъ эти святки и такъ наскучило мнѣ останавливать его,—говоритъ мать.—Всю ночь гуляетъ, а утромъ спитъ—дивчина и воламъ даетъ, и на водопой ихъ гоняетъ,—а онъ выспится, и опять пропалъ...

— Ну, ужъ, мамо, полно жаловаться—лучше благословите.

— Добре—садитесь.

Потомъ вмѣстѣ съ товарищемъ жениха, съ «дружкой», всѣ, взявъ благословеніе отъ матери, отправляются къ невѣстѣ.

— Вечеръ добрый вамъ!—стучать старосты въ окно, непременно въ окно.

— Охъ, теменко, это ужъ старосты пріѣхали,—говоритъ мать невѣстѣ.—Уходи изъ хаты. Невѣста выбѣгаетъ въ сѣни. Иногда она просто прячется на печь.

— Да пустите же, добрые люди, въ хату!—продолжаютъ стучать старосты.—Или вы Бога не боитесь, или никогда не ѣзжали? Вонъ какое лихо на дворѣ, а вы и въ хату не пускаете!



Святковство.

— Да Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ за люди такіе, чего вы добиваетесь, — отвѣчаетъ отецъ невѣсты. — Пора ночная — кто знаетъ, что у васъ на умѣ: доброе или худое.

— Да за окномъ же не узнаете. Пустите только въ хату — хоть деньги возьмите, а пустите!

— Да поди, старый, отопри, — умилоствивается мать. Вѣдь слышно, что не жиды, а такіе жъ люди. Можетъ лихо какое, непогодъ — то, спаси Богъ, и души загубимъ.

Отецъ отворяетъ изъ сѣней дверь. Входятъ старосты и женихъ съ дружкой. Невѣста хочетъ убѣжать, но женихъ съ дружкой ловятъ ее.

— Да куда ты, сердце, бѣжишь? — останавливаетъ ее женихъ. — Вонъ какая — уйти хотеть!

— Вотъ тебѣ еще! не съ утра жъ вы тутъ стоите! — вырывается невѣста (надо же поломаться — этого требуетъ приличіе, хоропіи тонъ).

— Зачѣмъ же бѣжать? — удерживаетъ женихъ. — Ты меня знаешь не со вчерашняго дня да и не нынче только; а то захотѣла, чтобъ тебя еще искали по хлѣбамъ да сараямъ.

Молодежь остается въ сѣняхъ, а старосты входятъ въ хату.

— Дай же вамъ Богъ добрый вечеръ и помощи вамъ Богъ спать, а намъ — что задумали — взять, — говорятъ старосты, молясь на сбраза.

— Вотъ такіе-то вы люди добрые — просились только ночевать, а теперь хотите насъ обобратить, — протестуетъ хозяйка.

— Кланяемся вамъ хлѣбомъ и солью.

— Спасибо за хлѣбъ за соль. Проходите да садитесь — сидайте.

— Да намъ не то чтобы «сидать», а чего бы поискать.

— А вы все свое! Мы васъ сажаемъ, а вы — свое! Должно быть, вы недобрые люди.

— Недобрые, или добрые, только дайте намъ поискать куницы, что прячется у васъ подъ соломенныя «копицы» (копны).

— Гдѣ жъ таки вы слытали соломенныя копны? Слава Богу, нынѣшній годъ жито уродилось — все повязали въ снопы, а сѣно въ копны гребли.

— Однако позвольте таки намъ поискать — не куницы такъ лисицы, а мы найдемъ и въ соломенной «копицы». А то мы кой о чемъ и больше бѣ покалякали, да не съ кѣмъ: то старо, а то мало, а такого и нѣтъ, чтобъ было съ кѣмъ покалякать — у насъ вѣдь на дворѣ еще люди есть. А ну-ка (отворяя дверь въ сѣни) — гдѣ вы тутъ, хлопцы, — идите въ хату.

— Да мы тутъ — отзываются женихъ и дружка: идемъ да еще и съ собой ведемъ.

Невѣста въ сѣняхъ ломается; — «Ой, Ивашку, идите сами въ хату, а я сама войду, — а то стыдно. Охъ страхъ какой! такъ все и дрожить у меня — не хочу я идти вмѣстѣ».

— Да пойдѣмъ же! — настаиваетъ молодежь.

— Карпусю, миленькій, иди съ Иваномъ! — ломается невѣста, — я сама войду.

Другой разъ старосты отворяютъ дверь — «гримають»: — «Да что это вы, хлопцы-казацина, и до сихъ поръ коней не поразсѣдали!

— Да мы то коней поразсѣдали, такъ уздечки не внесемъ.

Силою вводятъ невѣсту за руки — она упирается, ломается — «пручается, мовъ сминя



На свадебномъ пиру.



Малороссійская синагога.

на веревци», — сказали бы злые языки. Но вотъ ее втаскиваютъ — и старосты удержи-
ваетъ ее.

— Да это не уздечка, а молодая дѣвочка! — удивляется староста. — Вонъ оно кому чего
нужно... Ну, тутъ ужъ нечего долго толковать: отдаете за нашего Ивана вашу Татьяну? Вотъ
и наши молодцы—посмотрите на нихъ. А ну-ка, пройди, Иванъ, по хатѣ: не кривой ли ты,
али не горбатый, али не слѣпой ли, не безбокій? (Беретъ его за руку и водитъ по хатѣ). Къ
невѣстѣ: — А ну-ка, Тетяно, — это вѣдь не грушку
съѣсть — придется весь вѣкъ жить.



Свадебное угощеніе.

— Дружко выводитъ невѣсту на середину хаты.
Она продолжаетъ ломаться: — «Да ну ужъ — не
тащи! (тихо) Развѣ я его не знаю!»

— А что — понравился нашъ парубокъ?—спра-
шиваетъ староста.—А нашему парубку ваша дивчина
понравилась. Да и говорите ужъ — что даромъ воду
варить! — пора и «ладъ робить». Да и ты, старая
мать, думай живѣй, да иди ищи платки — ужъ твое
такое дѣло...

— Платки найти не диковина, — упрямится яко бы отецъ: — только она мнѣ еще не зара-
ботала, и свадьбу не на что играть. Я и не думаю ее нынѣшній годъ отдавать. Хотя у нихъ
тамъ платки и есть, да мнѣ ихъ платки не по праву.

— Да что ужъ, старый! воду сколько ни вари, все вода будетъ, — возражаетъ мать.

— Ну, а коли такъ — сколько воду ни вари, все вода будетъ, — такъ несите платки.

Таковъ въ главныхъ чертахъ обрядъ сватанья: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ варьи-
руется, но традиціонные эпическіе приемы остаются тѣ же.

За сватаньемъ идутъ *заручины*, иначе — *рукодаины* или *руковины*. Въ этой части обряда
главное дѣйствіе состоитъ въ томъ, что жениха и всю его компанію «перевязываютъ плат-
ками»; а тѣ должны «откупаться» — давать деньги въ пользу невѣсты. Погомъ молодыхъ бла-
гословляютъ хлѣбомъ, слѣпленнымъ изъ двухъ въ
одинъ, и пучкомъ ржи. При этомъ идутъ угошенья
и поются пѣсни. Пѣсня вообще не умолкаетъ во
все продолженіе свадебной церемоніи; а она тя-
нется нѣсколько дней, иногда и недѣль. Но нигдѣ,
кажется, не поется столько пѣсенъ, какъ въ «ди-
вичъ-вечеръ», когда убирается такъ называемое
«вильце», «гильце» или «ильце». «Вильце» — это
нѣчто вродѣ елки рождественской: зимой — сосновая
вѣтка, а лѣтомъ — яблонная, вишневая или чере-
муховая — втыкается въ большой коровай, а каж-
дую поросль ея — «пагонъ» — украшаютъ букетиками
«барвинку» («барвинокъ», «зеленый барвинокъ» —
символь нѣломудрія, непремѣнная принадлежность



Свадебный плясъ.

свадьбы — *vinca pervinca*), калины, «чорнобривцивѣ» и цвѣтными лентами; къ вѣткамъ при-
дѣпляютъ также и небольшія восковыя зажженные свѣчки. Вотъ тутъ-то, когда убираютъ
«вильце», и звенятъ неумолкаемо пѣсни. Здѣсь уже жениха величаютъ «княземъ», а не-
вѣсту — «княгиней».

Особенно богатъ обрядностью самый день вѣнчанья, и особенно важнымъ актомъ въ этой
обрядности считается расплетеніе косы у невѣсты. Для этого дѣвушка, большею частью обли-
ваясь слезами (прощается съ косою и съ дѣвичествомъ), садится на «ослонъ» (скамья) или

на «дичу» (квашня). Старшая дружка, обращаясь къ старостѣ, говоритъ: «Пане староста! благослови молодую расплести». — «Богъ благословить», — отвѣчаетъ тотъ. Холостой (непремѣнное условіе) братъ неvěсты или другой молодой родственникъ, а иногда и отецъ начинаетъ расплетать, а «дружки»-дѣвушки расчесываютъ ее, мажутъ масломъ или медомъ и вплетаютъ въ нее деньги (подарокъ жениха), кусочекъ хлѣба и зубокъ чесноку—талиманъ отъ всего недобраго. Въ это время дѣвушки-«свѣтилки» голосно поютъ:

Благослови, Боже,
И отецъ, и мати,
Своему дитяти
Косу расплѣтати.

Кромѣ этой прелюдіи поется еще множество пѣсенъ; а потомъ, когда коса расплетена и неvěста встанетъ со скамьи, ей мѣсто стараются скорѣе занять подружки: чѣмъ скорѣе которая сядетъ, тѣмъ скорѣе выйдетъ замужъ.—Иногда косу расплетаютъ въ церкви.

Затѣмъ приходитъ женихъ съ «боирами». Невѣста даритъ молодому—«хустку», боирамъ—«рушники» собственной работы, которые они и носятъ за поясомъ. Родители благословляютъ



Троицынъ день.

брачующихся. Дружка подаетъ имъ «хустку», за которую они и берутся руками, а самъ дѣлаетъ нагайкой или палкой въ дверяхъ крестъ и выводитъ молодыхъ. Мать осыпаетъ ихъ хмѣлемъ. Въ поѣздѣ идутъ дружки, за нимъ «свѣтилки»-подружки, изъ коихъ одна несетъ брачныя свѣчи, а другая—мечъ (часто деревянный), перевитый барвинкомъ, рутою и т. д. За ними—брачующіеся со всѣми гостями. Всю дорогу тоже поютъ. Когда неvěста сирота, ей припѣваютъ между прочимъ: «не забудь, молодая, къ матусѣ зайти; растопчи ножками траву-мураву; размой слезыньками желтыя пески; сними рученьками гробовую доску; поклонися матынькѣ низенько въ ножки».

На возвратномъ пути изъ церкви опять поютъ всю дорогу.

Слѣдующіе затѣмъ безчисленные обряды и церемоніи, пѣсни и причитанья, которымъ конца нѣтъ, пиры и развлечения, поражающіе иногда своею младенческою непосредственностью—мы считаемъ излишнимъ изображать здѣсь, хотя многое во всемъ этомъ и для археолога, и

для антрополога, и для историка представляет неисчерпаемый источник для сравненій, сопоставленій и выводовъ, можетъ быть, капитальныхъ для науки. Повторяемъ, если гениальный социологъ Спенсеръ, на основаніи отрывочныхъ данныхъ относительно разныхъ обрядностей у дикихъ народовъ, строить изумляющія своею смѣлостью и капитальностью научныя теории и по нимъ объясняетъ строй жизни современнаго, высоко-цивилизованнаго общества, — то наука въ правѣ ожидать еще болѣе гениальныхъ выводовъ въ области социологій при изученіи хотя бы одной украинской свадьбы со всѣми ея мельчайшими обрядовыми подробностями.

Отъ свадьбы—естественный переходъ къ *смерти и похоронамъ*.

Обрядъ смерти начинается раньше, чѣмъ больной перестаетъ жить, сознавать и чувствовать. Трудно умирающему даютъ въ лѣвую руку зажженную восковую свѣчу, а правую оставляютъ свободною, чтобъ было чѣмъ на страшномъ судѣ креститься. Въ это же время, пока умирающій мучится, въ церкви звонятъ протяжно «на отходъ души»... Каково-же умирающему слышать этотъ похоронный звонъ по самомъ себѣ!

Рубашку съ мертваго снимаютъ не такъ, какъ съ живого: раздираютъ отъ пазухи до подола. Мертвеца одѣваютъ во все чистое и кладутъ на лавку подъ тою стѣною, гдѣ два окна. Въ головахъ ставятъ зажженную свѣчу, а на окнѣ—ковшъ съ чистою водою: душа покойника въ теченіе трехъ дней возвращается въ родную хату черезъ окно, какъ ласточка, и пьетъ поставленную ей воду.

Глаза мертвецу стараются закрыть поплотнѣе; а иначе онъ будетъ высматривать, кого бы еще взять съ собою въ невѣдомую дорогу.

Умершаго ребенка кладутъ подпоясаннымъ, а то какъ на томъ свѣтѣ ему дадутъ яблочко и онъ положить его за пазуху, то яблочко упадетъ—укатится. И ногтей мертвому не надо срѣзывать: *тамъ* ему придется на высокую гору карабкаться.

Когда покойникъ почуветъ въ хатѣ, то около него сидятъ постороннія немолодыя женщины. Они «стерегутъ душу», которая прилетаетъ къ покойнику въ видѣ мухи, жужжитъ надъ нимъ и пьетъ поставленную для нея въ ковшѣ воду. Они же стерегутъ мертвеца и отъ чорта. Какъ глубоко народъ чувствуетъ всесильное присутствіе смерти около покойника, можно судить потому, что даже въ сосѣднихъ домахъ не велятъ утромъ пить воду, оставленную на ночь: и эту воду могла пить душа покойника, ночью посѣщающая знакомыя мѣста.

Гробъ, который въ Малороссіи называется «домовиною», обыкновенно дѣлаютъ сосѣди покойника. Родственники послѣдняго такъ приглашаютъ работниковъ на это, обязательное для нихъ дѣло:

— «Идите, добрые люди, къ намъ—строить батьку (или матери) новую хату: не захотѣлъ въ старой жить». Эти-же сосѣди копаютъ и могилу покойнику: «и мы помремъ—и намъ добрые люди выкопаютъ», — говорятъ они обыкновенно.

Бываетъ и такъ, что старики сами дѣлаютъ для себя гробъ, въ виду скорого приближенія смерти: «Годовъ за десять до смерти—разсказывалъ г-ну Кулишу одинъ украинецъ,—покойный папъ-отецъ (царство имъ небесное!) сдѣлалъ себѣ домовину—дубовую да просторную, и отдушнику въ головахъ пустили, чтобъ легче было душѣ на страшный судъ выйти;—сдѣлалъ да и легли въ нее—попробовать: не будетъ-ли коротка либо узка.—«Хороша—говорить—будетъ вѣчная моя хата».—Потомъ поставили ее въ комору да и насыпали до краевъ самую лучшую пшеницу, и эту пшеницу каждый годъ раздавали нищимъ, а новою опять насыпали домовину».—Прекрасная, чисто народная черта.

Когда гробъ готовъ, то гробовщики вносятъ его въ хату и ставятъ на скамьи рядомъ съ покойникомъ, а топоры, бурава, долота и другіе инструменты кладутъ подъ гробомъ на ночь, до другого дня.

Когда покойника выносятъ изъ хаты, то три раза стучать гробомъ о порогъ: это семьянинъ послѣдній разъ прощается съ семьею.

Старухѣ въ гробъ кладутъ маку—кормить на томъ свѣтѣ вучать.

За покойникомъ запираютъ хату и ворота, и завязываютъ поясомъ, чтобы смерть не вернулась и чтобъ за умершимъ не ушло его добре—птицы, скотъ, пчелы. Сопровождающимъ покойника раздактъ «коржики» (лепешки съ медомъ). Когда несутъ мертвеца мимо какой-либо хаты, то вельзя смотрѣть черезъ окно: кто посмотритъ и дотронется потомъ рукою до какой-либо части своего тѣла, то тамъ сдѣлается «мертвая кость».

На могилѣ «козака» вывѣшиваютъ «хусточку»—въ родѣ маленькаго флага.

Каждыя похороны сопровождаются «голосиннями» (причитаньями) со стороны ближайшихъ родныхъ—жены, сестеръ, дочерей. И каждое изъ этихъ причитаній имѣетъ свой характеръ, выражающій отношеніе причитальщицы къ покойнику. Вотъ, напримѣръ, какъ «голоситъ» сестра надъ умершимъ братомъ «парубкомъ»:

Братику, мое сояечко!
Братику, мій мисляцо ясны!
Чомъ ты мене не обогриваешь?
Чомъ до мене не розговляешь?
Чого-жъ ты на мене розсердився,
Мій миленькій братику?
Де-жъ твои ниженьки ходили,
Де-жъ твои рученьки робили—

На що ни глянемо,
Споминать тебе будемо,
Та будемо плакати.
У яку ты пиповъ дороженьку.
Чи до чистого поля?
Чи до синяго моря,
Чи до червоноі калины,
Чи до черной могилы? и т. д.

Намъ остается закончить этотъ очеркъ *народнымъ дневникомъ*. Подъ «народнымъ дневникомъ» разумѣются обычай и обряды, принадлежащіе исключительно опредѣленнымъ временамъ года и днямъ, а равнымъ образомъ и повѣрья, связанныя съ послѣдними. «Мы включили сюда и пѣсни, которыя поются единственно въ опредѣленное время года и составляютъ особый многочисленный отдѣлъ народной поэзіи (говоритъ г. Костомаровъ въ предисловіи къ III-му тому собранныхъ г. Чубинскимъ и изданныхъ географическимъ обществомъ матеріаловъ для народнаго дневника). Таковы пѣсни весенія («веснянки»), которыя поются съ ранней весны до Троицы, въ то время, когда молодежь обоюга пола сходится на улицѣ. Многія изъ этихъ пѣсенъ соединены съ играми. За ними слѣдуютъ «русальныя» или троицкія, «купальскія», соединенныя съ народнымъ празднествомъ Купала, 23—24 іюня, «обжиночныя»—при лѣтнихъ полевыхъ работахъ, «колядки»—на рождественскихъ святкахъ, и «щедривки»—наканунѣ новаго года. Всѣ эти пѣсни болѣе, чѣмъ всякія другія, заключаютъ въ себѣ остатокъ глубокой первобытной старины, хотя съ измѣненіями, накопившимися въ теченіе послѣдующихъ вѣвовъ... Въ настоящее время, когда въ народѣ вошло уже много новыхъ пріемовъ жизни и понятій, старина эта теряетъ легальную повсемѣстную и неизмѣнную силу. Нѣкоторые обычай и обряды въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ утрачиваются, въ другихъ хотя и сохраняются, но народъ уже перестаетъ придавать имъ значеніе необходимости; они для него остаются только какою-то художественною обстановкой жизни. Многія повѣрья хотя и передаются изъ устъ въ уста, но перестали быть предметомъ искренняго вѣрованія, такъ что легко можно встрѣтить передающаго повѣріе и въ то-же время готоваго посягаться надъ нимъ, если его спросить, точно ли онъ такъ вѣритъ. Все зависитъ отъ большаго или меньшаго расширенія взгляда, силы природнаго ума и знакомства съ новыми понятіями. Поэтому, всѣ указываемые здѣсь признаки народной жизни хотя дѣйствительно и существуютъ въ народѣ, но тотъ ошибся бы, кто бы подумалъ, что они связываютъ и сковываютъ народную жизнь вродѣ талмудическихъ правилъ евреевъ. Всѣ эти признаки могутъ существовать еще долго, даже и при большемъ развитіи народа, составляя поэтическую обстановку его жизни, драгоценность старины, завѣщанной отъ предковъ, но никакъ не строгаго закона, убивающаго свободу мысла и воли».

Новый годъ въ Малороссіи встрѣчаютъ весьма своеобразно. Рано утромъ мальчики ходятъ по хатамъ «засѣвать». Берутъ въ рукавицу разныхъ смѣшанныхъ въ кучу хлѣбныхъ зеренъ и, стоя у порога хаты, обсыпаютъ этими зернами хозяина и хозяйку, выкрикивая: «на счастье, на здоровье, на новое лѣто! Родн, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу!» Иногда посѣвальщики водятъ «хлопца», одѣтаго козою, съ ушами изъ колосьевъ. Посыпанныя зерна хозяева собираютъ для разныхъ надобностей: на нихъ гадаютъ, ихъ бросаютъ въ землю при новыхъ посѣвахъ, даютъ птицѣ въ кормъ. Такія зерна обладаютъ таинственной силою.

5-го января, наканунѣ Крещенія, бываетъ *голодна кутя*. «Голодная» — потому, что въ этотъ день не ѣдятъ «до кути», т. е. до вечера. А «кутя» и «узваръ» (сладкій супъ) съ утра стоятъ «на покути». Передъ ужиномъ хозяинъ призываетъ въ хату «морозъ» ужинать. Послѣ ужина, за которымъ, послѣ разныхъ обрядовъ, съѣдается «кутя» и «узваръ», парубки

выходятъ на дворъ — «прогонять кутю»: стучать въ ворота, въ заборъ, стрѣляютъ изъ ружей.

Во время *масленицы* справляютъ *колодку*. Это — бревно, которое бабы пеленаютъ на подобіе ребенка. Въ понедѣльникъ «колодка» родится — и бабы поздравляютъ другъ друга съ ея рожденіемъ; во вторникъ колодка крестится; въ среду — покрестыбины; въ четвергъ она умираетъ; въ пятницу ее хоронятъ; въ субботу плачутъ. Что означаетъ обрядъ колодки — невѣдомо никому: «такъ треба» — говорятъ.

Скоро затѣмъ приходитъ *весна* съ своими *веснянками* и разными весенними играми: празднуется *Леля* — это тор-

жество красивѣйшей изъ дѣвушекъ, раздающей вѣнки подружкамъ; совершается *кривый танецъ* — хороводъ съ пѣніемъ и завиваніемъ вѣнковъ; играютъ — *король, шумъ, горобейко, галка* и пр. и при этомъ поется безчисленное множество «веснянокъ».

Но самыя важныя — *русальныя кутальскія пѣсни*. Въ «русальную недѣлю» русалки или «мавки» господствуютъ не только въ своемъ царствѣ — въ водахъ, но и на землѣ. Онѣ выходятъ изъ рѣкъ, нагія, съ распущенными волосами; плаваютъ при лунѣ, плещутся, бѣгаютъ по полямъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, заманиваютъ прохожихъ. Русальныя пѣсни и имѣютъ содержаніемъ эти похождения русалокъ. Напр.:

Сидела русалочка на бѣлой берези,

Просила русалочка въ живочокъ намитки и т. д.

Торжество „*Куталь*“ — одно изъ популярнѣйшихъ въ Малороссіи. Оно совершается съ 23-го на 24-е июня, въ ночь, полную какой-то таинственности для всѣхъ народовъ Европы. Мы не станемъ говорить о безчисленныхъ повѣрхяхъ, связанныхъ съ этою ночью: въ эту ночь и



Гаданье на вѣнкахъ.



Малоросійські колядки.

Морінович

вѣдьмы летають на кочергахъ да на помелахъ на Лысую гору, какъ изображено здѣсь на рисункѣ, и деревья разговаривають и переходятъ съ мѣста на мѣсто, и папоротникъ цвѣтетъ и т. д. Скажемъ только о «купаляхъ» и неразлучной съ нимъ «маренѣ». И «марена» и «купала» — это большею частью чучела, украшенныя зеленью, цвѣтами, «намистами», лентами. На мѣстѣ игрища «купаду» и «марену» ставятъ рядомъ, и тутъ же зажигаютъ костры, около которыхъ и кружится молодежь съ пѣснями, вродѣ:

Купала на Івана,
Купався Іванъ.
Та въ воду упавъ и т. д.

Или о томъ, какъ вѣдьма —

На дуоъ лизла,
Кору грызла,
Зъ дуба вшла,
Зилла конзла, и т. д.

«Парубки» отнимають у «дивчатъ» «марену» и разрываютъ ее или топятъ въ водѣ; а «дивчата» поють: «утонула мареночка, утонула, та наверхъ кисонька зринула», и т. д.

Тутъ же молодежь прыгаетъ черезъ костры, бросаетъ въ воду вѣнки съ зажженными свѣчами; гадаютъ, купаются — и все это съ извѣстною обрядностью, смыслъ которой утра-



Празднованіе «Купалы».

тился въ теченіе вѣковъ и едва ли остается надежда, чтобъ и наука отыскала то, что утрачивалось или искажалось вѣками. Для народа достаточно одной внѣшней обрядности, а молодость находить въ этой обрядности удовлетвореніе своимъ молодымъ поэтическимъ порывамъ. И, конечно, долго еще будутъ раздаваться въ глухихъ мѣстахъ Малороссіи «купальскія» «русальскія» пѣсни, и «колядки», и все, что такъ краситъ неприглядную жизнь бѣднаго люда;



Малороссійская перевозчица.

долго еще будут топить Марену, ходить на Рождество Христово съ бумажною *звѣздою*, какъ изображено на рисункѣ; а можетъ быть новая жизнь — жизнь развитія знаній со всѣми ея нивелирующими факторами — скоро вступить въ свои права и въ Малороссіи, изгнать всю эту старину, всю эту допотопную, троглодитную, хоть поэтическую, обрядность — и памятниками этой вымирающей народной жизни для будущихъ научныхъ теорій и выводовъ останутся только одни свидѣтели: записанные доселѣ и изданные драгоценные томы матеріаловъ, которые впоследствии будутъ составлять для науки такіе же незамѣнимые памятники погребенной на вѣки народной жизни, какіе добыты новѣйшими раскопками и изысканіями Шимпольона, Роулинсона, Шлимана, Самоквасова, Богданова, гр. Уварова и др. — для исчезнувшей жизни Вавилона, Египта, Трои и нашихъ славянскихъ предковъ—славянскихъ троглодитовъ. И хоть не скоро, но это будетъ такъ: свѣтъ возьметъ свое у тьмы...

Д. Л. Мордовцевъ.



Пасѣка.